Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Д. Д. ХАНЫКОВА.

МОСКВА.
1860.

РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Д. Д. ХАНЫКОВА.

МОСКВА
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.
1860.

DK32
.K48

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 28-го Ноября 1860 года.

Цензоръ *И. Росковшенко.*

Благословите, братцы, старину сказать,
Какъ бы старину стародавнюю,
Какъ бы въ стары годы, прежніе,
Въ тѣ времена первоначальныя.

Собрать памятники отжившей Руси и представить их въ живой картинѣ всѣмъ Русскимъ — вотъ предметъ труда моего. Темныя сказанія современниковъ о временахъ былыхъ сбивчивы и часто противорѣчатъ одни другимъ, а потому рѣшился я собратъ все достойное вѣроятія вкратцѣ и представить на судъ любителямъ старины русской.

СОСЛОВІЯ, ЧИНЫ И ДОЛЖНОСТИ.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій....

Въ Россіи, еще въ глубокой древности, извѣстны были сословія дворянъ и людиновъ.

Бояре были мужи, которые заслуживали это достоинство на войнѣ, съ мечемъ въ рукахъ. Тогда война считалась дѣломъ самымъ благороднымъ, прочія же занятія возлагались на служителей.

О боярахъ упоминается въ нашихъ старинныхъ лѣтописяхъ: «*бяша у Рурика два мужа Аскольдъ и Диръ, не племени его но боярина*» [1]). А что званіе это было въ большомъ почетѣ — видно изъ Русской правды.

Боярамъ предоставлялись права служить у того Князя, у котораго они пожелаютъ. Служа, они получали помѣстья и пользовались большимъ уваженіемъ народа и Князя. Дмитрій Іоанновичъ Донской, умирая сказалъ дѣдямъ: «Бояре своя любите, честь имъ достойную воздайте противу служенія ихъ, безъ воли ихъ ничто же не творити».

При Василіѣ Васильевичѣ Темномъ боярство жаловалось какъ чинъ.

Названіе же *боярин*ъ вѣроятнѣе всего, можно полагать, произошло отъ слова: *бой*, мужа отличившагося въ бояхъ. Въ церковныхъ книгахъ боярин пишется *болярин*ъ, отчего произошла догадка — не происходитъ ли это слово отъ *болій*, *бо́льшій?*

При пожалованіи въ бояре, обязывались они сверхъ общей присяги дополнительною, которая состояла въ слѣдующихъ словахъ: «а что пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь всея Руссіи, велѣлъ мнѣ быти у себя въ боярѣхъ, и въ думѣ мнѣ, Государю своему и его Государевымъ дѣтямъ служити и прямити во всемъ, и государскія думы и боярскаго приговора, до Государева указа никому не приносити и не сказывати, и всякія Государевы и земскія дѣла дѣлати, и его Государевымъ землямъ всякаго добра хотѣти безъ всякія хитрости, и самовольствомъ мнѣ, безъ Государскаго вѣдома, и мимо правды, никакихъ дѣлъ не дѣлати по сему крестному цѣлованію».

Бояре получали большой окладъ денежнаго жалованья: новичный простирался до 500 рублей, а старшіе бояре получали болѣе тысячи. Сверхъ того они имѣли большія преимущества предъ нисшими чиновниками: ихъ назначали намѣстниками въ города, гдѣ они пользовались доходами отъ дѣлъ, что называлось *кормленіемъ*. Съ бояръ не взималось пошлинъ по челобитью, съ посылаемыхъ въ города грамотъ и

наказныхъ памятей, во время пути они имѣли право требовать себѣ по 20 подводъ, могли по произволу перемѣнять службу и безпрепятственно переходить отъ одного князя къ другому.

Людинами вообще назывался класъ гражданъ, обязанный платить дань и нести службу княжескую и боярскую. Они подраздѣлялись на *свободныхъ* и *рабовъ*. Свободные люди состояли изъ гостей и половниковъ, а рабы раздѣлялись на *холопей* и *кабальныхъ людей* или *смердовъ*.

Въ старину Дворъ Великаго Князя состоялъ изъ дворянъ, которые занимали высшія должности.

Бояре и дворяне несли Государеву службу какъ военную такъ и гражданскую, были награждаемы чинами за заслуги и имѣли свои подраздѣленія по мѣсту какое занимали. О боярскомъ достоинствѣ упоминается не ранѣе XVI вѣка; тогда оно не было наслѣдственнымъ, а давалось въ награду за заслуги одному лицу, какъ чинъ. При Великихъ Князьяхъ московскихъ всѣ главныя должности возлагались на бояръ, они присутствовали въ Думѣ государственной, управляли приказами и были посылаемы для переговоровъ съ иностранными державами. Старшимъ поручалось начальство надъ войскомъ и тогда они назывались *воеводами большаго полку*, а младшіе, бывшіе у нихъ подъ началомъ, назывались *воеводами малаго полку*. За отсутствіемъ изъ Москвы Государя,

столица ввѣрялась боярину, что называлось: *вѣдать Москву.*

Голоса бояръ имѣли большую силу, даже въ указахъ писалось: *Государь указалъ и бояре приговорили.* Родственники Государынь, пожалованные боярствомъ, назывались *боярами свойственными.*

По должностямъ, которыя занимали бояре, всегда прикладывалось къ слову боринъ прилагательное, занимаемой имъ должности. Такъ, боринъ *введенный*, былъ тотъ, котораго князь вводилъ во владѣніе извѣстнымъ городомъ; боринъ *путный* или *съ путемъ* тотъ, которому назначались особые доходы съ городовъ и волостей. При пожалованіи въ бояре обыкновенно говорилось: *сказать боярство* (такому-то), то есть объявить, что такой-то по указу Государя пожалованъ въ бояре.

Какъ у Великихъ Князей, такъ и у удѣльныхъ и у Патріарха были свои бояре, но послѣдніи были степенью ниже великокняжескихъ.

Бояре, смотря по мѣсту, которое занимали при Дворѣ Государя, получали оклады жалованья, денежное, какъ мы уже видѣли, и сверхъ того давались имъ вотчины и помѣстья. Первыя переходили въ наслѣдственное владѣніе, отъ чего наслѣдники ихъ именовались вотчичами и дѣдичами, а съ помѣстьевъ пользовались только доходами по смерть. Впрочемъ иногда за заслуги помѣстья часто обращались въ

вотчины. Раздача земель началась со времени Великаго Князя Іоанна Васильевича.

Боярское достоинство велось на Руси до Петра I. Послѣдній, носившій это достоинство былъ Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, умершій въ 1750 году.

Разсмотримъ теперь подробнѣе какія должности занимали бояре въ старину.

1. *Дворецкій.* Должность эта соотвѣтствовала теперешнему оберъ-гофмейстеру, или оберъ-гофмаршалу. Они извѣстны стали съ 1465 года: въ этомъ году скончался первый дворецкій Михаилъ Ѳедоровичъ Сабуровъ.

2. *Конюшій.* Должность эта соотвѣтствовала оберъ-шталмейстеру и состояла въ завѣдываніи надъ царскими конскими заводами и вообще надъ всѣмъ касающимся этого предмета. Они извѣстны стали съ 1496 года.

3. *Кравчій* или *Крайчій.* Завѣдывалъ напитками, употребляемыми при царскомъ столѣ. Кравчіи упоминаются съ 1514 года.

4. *Оружничей* или *Оружейничей.* Должность эта состояла въ томъ, чтобы смотрѣть за государевымъ оружіемъ и за оружейною палатою. Они извѣстны съ 1511 года.

Вторую степень чиносостояній составляли *Окольничьи.* Слово: *окольничій,* происходитъ вѣроятно отъ того, что они находились близь Государя, или отъ того, что имъ препоручалось завѣдываніе *окольнымъ*

городомъ, о которомъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Окольничихъ впервые встрѣчаемъ мы въ 1341 году. Должности, возлагаемыя на нихъ; были слѣдующія:

1. *Казначей.* Въ завѣдованіи его состояла государева казна, или, какъ она называлась, большая казна; кромѣ денежныхъ суммъ, они смотрѣли и за разными драгоцѣнными вѣщами, какъ-то: мѣхами, золотой и серебряной посудой и проч. Упоминаются они съ 1495 года. При вступленіи въ должность казначеи присягали хранить и оберегать государево платье отъ волшебства и чародѣйства.

2. *Постельничій* смотрѣлъ за постелью Государя; подъ его вѣдѣніемъ состояли истопники и постельные, избираемые изъ дѣтей боярскихъ или жильцовъ. Они извѣстны стали съ 1497 года. При вступленіи въ должность — присягали оберегать государеву постель отъ волшебства и чародѣйства, спали подлѣ государевой опочивальни и въ походахъ находились при немъ безотлучно. Въ 1167 году была соотвѣтственная имъ должность подъ названіемъ *покладниковъ*.

3. *Чашникъ* завѣдывалъ погребами и подносилъ напитки Государю во время стола, прикушивая ихъ первоначально. Должность эта очень старинная. При большихъ торжественныхъ столованіяхъ въ помощь чашнику назначались стольники, которые должны были *встóлы сказывать*. Въ 1616 году чашникъ по-

лучалъ годоваго оклада жалованья 200 р. и 1200 четвертей помѣстной земли.

Третью степень состовляли *думные дворяне*. Объ нихъ первоначально упоминается въ 1572 году; денежный окладъ жалованья былъ имъ не менѣе 250 р. Должности, возлагаемыя на нихъ, были слѣдующія:

1. *Ясельничій*. Былъ начальникъ надъ конюшеннымъ приказомъ; должность эта соотвѣтствовала нынѣшнему шталмейстеру. Ясельничій состоялъ подъ началомъ у конюшаго, съ которымъ вмѣстѣ присутствовали въ конюшенномъ приказѣ. Они упоминаются съ 1497 года.

2. *Сокольничій*. Тоже что теперь егермейстеръ; извѣстны были уже въ 1550 году. Подъ вѣдѣніемъ сокольничаго состояли нижніе чины: кречетники, ястребники, псари и другіе. Всѣ же вообще потѣшныя охоты зависѣли отъ дворцоваго приказа. Изъ письменныхъ документовъ 1509 года видно что была въ то время должность *Ловчаго*, который по времени былъ переименованъ въ сокольничаго.

Всѣ исчисленныя мною должности исправлялись иногда иначе, на пр. думный дворянинъ, по волѣ Государя, допускался къ исправленію высшей должности: онъ могъ быть и постельничимъ и на оборотъ: окольничій занималъ должность ясельничаго или сокольничаго; это измѣненіе иногда зависѣло также отъ постановленія въ какое царствованіе, и какіе чины, должны были занимать какія должности. Здѣсь

еще надо замѣтить что всѣ эти должности были гражданскаго а не военнаго вѣдомства.

За боярами, окольничими и думными дворянами слѣдуютъ: стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы и дѣти боярскіе. Прежде нежели разсмотримъ какія они занимали при Дворѣ должности, скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ чиносостояніи отдѣльно.

Стольники, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, получили свое названіе отъ стола, при которомъ они служили. Я полагаю происхожденіе ихъ названія отъ Престола, который въ старину назывался просто *столомъ*, что видно изъ одной лѣтописи: «ѣздилъ архіепископъ Василій въ Москву, звати великаго князя Симеона Ивановича въ Великій Новгородъ на *столъ* великаго княженія» [2]). Столичный городъ назывался *стольнымъ градомъ*, хотя нельзя отвергать и того, что обязанность возлагаемая на нихъ, состояла въ смотрѣніи за государевымъ столомъ. Чиновники, отправлявшіе эту должность во внутреннихъ покояхъ Государя, назывались *комнатными стольниками*. Кромѣ гражданскихъ должностей стольники занимали и военныя: изъ нихъ назначались головы надъ дворянскими сотнями, воеводами у большаго знамени, у кошу, у снаряду, у обозу, у доспѣху, а также опредѣляли ихъ въ города воеводами и при посольствѣ.

Окладъ денежнаго жалованья стольникамъ доходилъ до 215 р. деньгами и помѣстный до 1500 четвертей

земли. Кромѣ этихъ окладовъ они иногда получали жалованье надбавочное; это случалось при вступленіи на престолъ Государя [3]), за счастливое окончаніе войны и проч. Патріархи имѣли своихъ стольниковъ, но эти считались степенью ниже государевыхъ.

Стряпчіи получили свое наименованіе отъ стряпни, которая имъ поручалась. Подъ названіемъ *стряпни* въ старину разумѣли государеву шапку, рукавицы, платокъ и палку; они назывались также *стряпчими съ ключемъ*. Тѣ же, которые завѣдывали государевымъ платьемъ — назывались *стряпчими съ платьемъ*: Въ походахъ стряпчіи состояли подъ началомъ стольника.

Дворяне составляли древнѣйшее званіе на Руси. Прежде, служилые люди, составлявшіе великокняжескую дружину или охранную стражу, натывались *гриднями*, отъ *гридня*. Этимъ общимъ именемъ назывались покои великокняжескіе. Когда же покои Государя получили именованіе Двора, то и гридни стали называться дворянами. Вотъ древнее происхожденіе дворянъ русскихъ.

Когда Москва стала главнымъ мѣстопребываніемъ Государей, то и дворяне раздѣлились на московскихъ и городовыхъ. Первые были степенью выше послѣднихъ. За проступки московскихъ дворянъ записывали по городу, а городовые всегда добивались чести попасть въ списокъ дворянъ московскихъ, получавшихъ и бо́льшее жалованіе чѣмъ городовые.

Жильцами назывались молодые люди, выбранные изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стольничьихъ и стряпческихъ и проживавшихъ въ Москвѣ по наряду извѣстное время. Они должны всегда были готовыми быть къ войнѣ въ случаѣ нечаяннаго нападенія непріятеля. Имъ также давались разныя порученія, какъ-то: развозить по городамъ государевы грамоты и проч. Если замѣчали, въ которомъ нибудь изъ нихъ способности, то производили въ высшіе чины, что называлось *пожаловать изъ жилья въ чинъ* и давали придачу помѣстнаго окладу и жалованья. Съ 1701 года Петръ I не велѣлъ набирать жильцовъ, а бывшихъна лице повелѣлъ зачислить въ гвардейскіе полки.

Дѣти боярскіе были владѣльцы небольшихъ участковъ земель данныхъ имъ Государемъ; они составляли низшую степень дворянства. Обязанность ихъ была нести военную службу, а иногда и гражданскую. Царь Іоаннъ Васильевичъ въ 1550 году роздалъ земли на 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ въ растояніи отъ Москвы на 70 верстъ въ помѣстье; первой статьи 200, второй 150, третей 100 четвертей и сѣна по стольку же копенъ. Эта раздача понудила многихъ и изъ знатныхъ фамилій, и обѣднѣвшихъ князей записываться въ дѣти боярскіе. Вступившіе въ службу изъ дѣтей боярскихъ назывались *новиками*. Они службою получали дворянство, чего не могли достигнуть дѣти поповскіе, холопи боярскіе и иныхъ сословій лица, которыхъ отцы не служили

и не были верстаны денежными и помѣстными окладами.

Названіе дѣтей боярскихъ встрѣчаемъ мы послѣ 1566 года. Прежде составляли они дружину бояръ. Въ послѣдствіи времени, когда все войско сдѣлалось великокняжескимъ, то боярскіе дѣти, подчинясь власти Государя, сохранили первоначальное свое названіе. Въ сословіе дѣтей боярскихъ поступали иногда люди и нисшихъ званій, что считалось повышеніемъ; такъ пожалованъ былъ въ 1590 году Елецкій козакъ Софонька Давыдовъ Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ за то, что скоро пріѣхалъ съ вѣстью о крымскихъ татарахъ и дано ему было платье и деньгами пять рублей и велѣно ему было быть на Ельцѣ въ дѣтехъ боярскихъ.

Дѣти боярскіе раздѣлялись на три статьи: городовые, дворцовые и выборные и часто за заслуги повышались изъ одной степени въ другую. Обѣднѣвшихъ же, въ позднѣйшія времена записывали въ однодворцы, стрѣльцы и казаки.

Преимущества, какія имѣли дѣти боярскіе передъ прочими сословіями, можно видѣть изъ судебника. Они жалованы были иногда помѣстьями; пожалованный помѣстьемъ не могъ быть уволненъ отъ службы ни подъ какимъ предлогомъ; въ случаѣ же болѣзни или увѣчья, таковые обязаны были поставить за себя даточниковъ.

Стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы и дѣти боярскіе назначались занимать слѣдующія должности:

1. *Степенный Ключникъ*, — который завѣдывалъ столовыми припасами и имѣлъ надзоръ за поварами, хлѣбниками и прочими служителями; у него былъ помощникъ, называемый *подключникомъ*.

2. *Путевой* или *путный ключникъ* исполнялъ туже должность какъ и степенный, съ тою только разницею что онъ отправлялъ ее во время путешествія Государя, а степенный отъ двора не отлучался.

3. *Шатерничій*, — завѣдывалъ уборами царскихъ палатъ: грановитой, золотой и отвѣтной, имѣлъ у себя нѣсколько помощниковъ.

4. *Истопничій*, котораго обязанность состояла смотрѣть надъ чистотою комнатъ, сѣней и лѣстницъ; подъ его начальствомъ состояли всѣ истопники и сторожа.

5. *Конюшенный казначей* завѣдывалъ конюшенною казною, смотрѣлъ за конскою сбруею, экипажами и зависѣлъ отъ ясельничаго.

6. *Столповые прикашини*, обязанность ихъ состояла смотрѣть за конюхами; они тоже зависѣли отъ ясельничаго.

7. *Чарошники*. Должность ихъ состояла въ подаваніи напитковъ.

8. *Стряпчіи дворцовые*, которыхъ обязанность состояла въ смотрѣніи за поварами во время приготовленія кушанья.

9. *Стремянные конюхи*, находились при стремени Государя во время Его верховыхъ поѣздовъ, а въ походѣ смотрѣли за Его верховыми лошадьми и

сбруею. Помошники ихъ назывались *задворными* и *стряпчими* конюхами.

10. *Комнатные истопники.* Должность ихъ состояла въ томъ, что они всегда находились у дверей комнатъ и наблюдали чтобы въ нихъ не входилъ никто кромѣ опредѣленныхъ чиновъ.

Всѣ эти должности были верстаны помѣстнымъ окладомъ отъ 120 до 400 четвертей земли; всѣ они давали присягу и клялись: «*оберегать здоровье Государя, зелья и лихаго коренья никуда самому не положити и мимо себя никому положити не повельти и ни котораго зла и волшебства надъ Государемъ не учинити никоторою хитростью*».

Подобныя присяги въ старину назывались *приписьми.*

Нисшія должности при Дворѣ были слѣдующія:

1. *Истопники мовные*, которые смотрѣли за банями или *мовнями*, имѣли у себя подъ командою мовниковъ т. е. банщиковъ.

2. *Истопники постельные* смотрѣли за чистотою государевой опочивальни.

3. *Истопники у водокъ* смотрѣли за порядкомъ погребовъ.

4. *Истопники половые* чистили полы въ покояхъ Государя.

5. *Сторожа комнатные*—были помошники истопниковъ у комнатъ.

6. *Сторожа у водокъ* — были помошники истопника у водокъ.

7. *Сторожа столовые* — прислужники у стола.

8. *Крестовые дьяки* — были письмоводители при приводѣ кого либо къ крестной присягѣ.

9. *Дьякъ пѣвчій* — письмоводитель при пѣвческой капелѣ.

10. *Прикащики у ставокъ.* Ставкою въ старину назывался наметъ или шатеръ у военноначальника. Должность смотрителя этого шатра исправлялъ прикащикъ у ставокъ.

Кромѣ этихъ должностей при Дворѣ находилось множество художниковъ и ремесленниковъ, всѣ они получали денежный и хлѣбный окладъ жалованья.

По государственному управленію въ до петровской Руси были особенныя должностн. Во всѣ города отъ Великихъ Князей назначались *посадники*, которые завѣдывали гражданскими дѣлами, чинили судъ и расправу. Въ эту должность назначались бояре. Кто однажды занималъ должность посадника, тотъ на всегда усвоивалъ себѣ это названіе; состоящій же на должности назывался *степеннымъ посадникомъ*. Посадники въ Новгородѣ существовали до 1477 года, они назывались также *намѣстниками*.

Посадниковъ со временемъ замѣнили *воеводы*, при назначеніи которыхъ на мѣсто, давался имъ наказъ.

Содержаніе этихъ наказовъ было въ исчисленіи правъ и обязанностей воеводы; составлялись они въ

приказѣ, подъ вѣдомствомъ котораго состоялъ городъ или острогъ, куда назначался воевода. Опредѣленіе на такое мѣсто называлось *кормленіемъ*, а потому, если городъ для воеводы былъ не выгоденъ, то ему предоставлялось право просить Государя о перемѣнѣ мѣста. Въ челобитныхъ о воеводствѣ писали: *прошу отпустить покормиться*. По замѣчанію Татищева въ розрядѣ были особыя книги, въ которыхъ обозначалось гдѣ и сколько было дохода.

Обязанность воеводъ состояла въ отправленіи суда гражданскаго и уголовнаго, сборѣ доходовъ и въ полицейскомъ управленіи. Они слѣдили за корчемствомъ, продажею табаку, за людьми, играющими въ карты и въ зернь.

Подъ начальствомъ воеводъ состояли *объѣздные головы*, *сотскіе*, *десятскіе*, которые избирались изъ посадскихъ людей и составляли полицейскую команду.

На отвѣтственности воеводъ состояла казна, хлѣбные и зелейные запасы, казенныя зданія, арестанты и государевы указныя грамоты. Каждый воевода обязанъ былъ имѣть всему этому опись и обо всѣхъ дѣлахъ доносить въ розрядъ, подъ вѣдомствомъ котораго состоялъ.

Городовые воеводы иногда завѣдывали и военными силами, но о такихъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Доходы денежные и пошлины собирали особые чиновники, называвшіеся, *тіунами*. Тѣ изъ нихъ,

которые служили правительству, назывались *тіунами дворскими*, въ отличіе отъ тѣхъ, которые занимали эту должность у бояръ и назывались *боярскими тіунами*. Обязанность послѣднихъ была таже что и прикащиковъ.

Изъ судебника Царя Іоанна Васильевича видимъ, что въ Россіи были еще чиновники, называемые *метальниками* или *метельниками*. Должность эта очень древняя: когда письменность у насъ была мало распространена, а записываніе нѣкоторыхъ сборовъ податей и вниръ было необходимо, то ихъ метили на дощечкахъ или палочкахъ. Обязанность эта возлагалась на метальника, отъ чего, вѣроятно онъ и получилъ это названіе.

Метельникъ былъ помошникомъ Тіуну и вирнику. Должность вирника состояла въ сборѣ виры и пени въ казну князя съ тяжущихся и виновныхъ; они иногда разбирали и уголовныя дѣла.

Въ законахъ Ярослава и Владиміра полагалась отъ дѣлъ пошлина какъ вирнику такъ и метельнику: въ статьѣ Ярославовыхъ законовъ о вирахъ предписано отъ уголовнаго суда вирнику восемь гривенъ, а метельнику 12 вѣкошъ. Въ законѣ Владиміра (гл. XXIII) отъ уголовнаго суда положено вирнику 9 кунъ, а метельнику 9 вѣкошъ. Въ судебникѣ Царя Іоанна Васильевича предписано брать, отъ рублеваго дѣла съ виновнаго, боярину или дворецкому или казначею по 11 денегъ, а дьяку по 7 денегъ.

Мѣста метельниковъ по времени заступили дьяки, которые завѣдывали письменною частію. Они извѣстны стали со времени княженія Владиміра II. Всякій приказъ, всякое присутственное мѣсто имѣли своего дьяка; у нихъ были помошники *поддьяки* или *подьячіи*, которые были ничто иное какъ простые писцы. Они за отсутствіемъ дьяковъ исполняли ихъ должность и подписью справляли бумаги. По времени *справа* названа была *приписью*, а отъ того и поддьячіи начали называться: съ *приписью поддьячими*.

Думные дьяки завѣдывали письменными дѣлами въ Думѣ государевой и чиномъ равнялись нынѣшнимъ оберъ секретарямъ, почему они были въ большомъ уваженіи у современниковъ.

Въ губной избѣ рѣшались дѣла уголовныя губнымъ старостою, который на мѣстѣ производилъ судъ и расправу; подъ вѣдомствомъ его состояли тюрмы и палачи.

Такъ, какъ округи въ старину дѣлились на тысячи, сотни, десятни, то и начальники ихъ назывались: тысяцкими, сотниками и десятниками. Сверхъ того были еще *земскіе головы*, *земскіе старосты и земскіе дьяки*.

Земскіе головы избирались гражданами изъ среды самихъ себя для того, чтобы чинить между ими разбирательства. Земскій староста былъ помошникъ головы, за отсутствіемъ котораго исправлялъ его должность. Земскій дьякъ былъ волостной писарь.

Разсмотримъ теперь сословія гостей, однодворцевъ, холопей, крестьянъ, половниковъ, рабовъ и смердовъ.

Подъ словомъ *гость* въ старину разумѣли купца; отъ сюда произошли названія: гостиный дворъ, гостиная сотня, гостинецъ и другія.

Въ глубокой древности, иностранцы пріѣзжавшіе къ намъ торговать были *гостьми*, т. е. временными, а не постоянными жителями; мѣста, куда они складывали свои товары или *гостинцы*, назывались *гостиными дворами*. Когда у насъ завелись свои торговцы, тогда они усвоили и названія гостей и сами ѣздили торговать за море какъ гости; послѣ были сопричислены подъ одну статью, названную *гостиною сотнею*. Начало названія *гость* было современно первоначально пріѣхавшимъ иноземцамъ къ намъ для торговли.

Изъ гостиныхъ сотенъ первой статьи избирались головы, а изъ статей низшихъ назначались цѣловальники, которыхъ обязанность состояла находится при продажѣ казенной соли и разныхъ питій. Слово цѣловальникъ происходитъ отъ крѣстнаго цѣлованія, присяги, которую давали они вступая въ должность, обѣщаясь не утаивать казенной собственности.

Въ Новгородѣ купцы назывались *именитыми людьми*, которые участвовали и на общественныхъ совѣщаніяхъ. Купечество у новгородцевъ раздѣлялось на пять концовъ: 1. Неровской, 2. Іорчанской, 3. Славянской, 4. Загородской, 5. Плотинской.

Однодворцы стали извѣстны въ среднія времена. Для укрѣпленія границъ государства въ прежней украйнѣ содержалось особенное войско, набранное изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а равно изъ стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей, и прочихъ нижнихъ состояній. Дворяне и дѣти боярскіе получали помѣстные оклады, а нисшія сословія жалованье и продовольствіе натурой. Корпусъ этотъ въ 1616 году состоялъ изъ 24,650 человѣкъ, а въ 1672 году изъ 42,650 человѣкъ.

Затруднительная доставка продовольствія изъ отдаленныхъ городовъ, была причиною тому что правительство роздало земли почти всѣмъ служилымъ людямъ, оберегающимъ государство отъ набѣговъ непріятелскихъ. Всѣ эти сословія по времени смѣшались въ одно и офиціально подъ именемъ однодворцевъ стали называться уже при Петрѣ I.

Когда давались имъ участки земли, то они строились *особливыми дворами*, почему и прозваны были однодворцами.

Въ царствованіе Петра I, многіе дворяне для избѣжанія службы записывались въ однодворцы. Крестьяне же ихъ названы были однодворческими крестьянами.

Холопство составляло одно изъ многочисленнѣйшихъ сословій въ Россіи. Они были двухъ разрядовъ; первые назывались *полными*, *обѣльными* или *докладными* [4]) и были крѣпостные люди, принадлежавшіе

высшимъ сословіямъ, вторые назывались *кабальными* и были свободные люди, добровольно идущіе къ кому нибудь въ кабалу или на срочные годы. Такихъ людей часто отдавали по суду за долги въ услуженіе на срокъ до уплаты долга, но ихъ ни кто не могъ ни продать ни въ приданое дать. Такое различіе холопей обѣльныхъ и кабальныхъ видно изъ уложенія [5]) гдѣ сказано: «а въ приданые давати, и женамъ и дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ въ надѣлъ, въ духовныхъ и даныхъ и въ рядныхъ писати полныхъ и докладныхъ и купленыхъ и полоненниковъ иныхъ земель; кому такіе люди будутъ въ приданое или въ надѣлъ даны, и тѣмъ людямъ такіе люди крѣпки, и женамъ ихъ, и дѣтямъ и внучатамъ; а кабальныхъ людей въ приданое не давать, и въ духовные, и въ даные не писать».

Такое различіе холопей продолжалось до первой народной переписи, до начала XVIII вѣка.

До 1702 года всѣ сословія на Руси на челобитныхъ, поданныхъ на имя Государя именовались холопями.

Рабы или челядь извѣстны были въ самой глубокой древности, этимъ именемъ назывались плѣнники, или купленные, или принужденные въ рабство за долги. Они назначались на вѣчную работу и переходили по наслѣдству со всѣмъ своихъ родомъ. Во времена языческія, варварскія племена хажпвали на ловъ людей также точно какъ мы ходимъ на охоту

за звѣрями. По времени рабы стали именоваться крестьянами, которые, въ судебникѣ царя Іоанна Васильевича, названы *черными людьми*,

За убіеніе раба полагалась плата чего онъ стоилъ при куплѣ. Рабы не могли даже быть свидѣтелями. Господинъ, прижившій дѣтей съ рабынею дѣлалъ ее черезъ то вольною.

Крестьянъ, занимавшихся черною работою, земледѣліемъ, называли *смердами*, которые лишены были права вступать въ военную службу. Земляная работа почиталась низкимъ и подлымъ занятіемъ.

Крестьяне до царствованія Ѳедора Іоанновича пользовались свободою переходить отъ одного владѣльца къ другому. Для такого перехода опредѣлены были сроки: за недѣлю до Юрьева дня осенняго, или недѣлю спустя по Юрьевѣ днѣ осеннемъ [6]). Крестьяне, по большей части поселялись жить къ землѣвладѣльцу на четыре года, по истеченіи срока обязаны были заплатить за дворъ: въ безлѣсныхъ мѣстахъ — рубль и два алтына, а въ лѣсныхъ полтину да два алтына [7]). Но если прожившій одинъ годъ, пожелаетъ перейти къ другому владѣльцу, — обязывался заплатить за четверть двора и т. д. по расчету прожитыхъ имъ лѣтъ [8]). Само собою разумѣется что такіе крестьяне получали дворы отъ помѣщиковъ со свѣми принадлежностями.

Въ 1597 году, состоявшимся указомъ царя Ѳедора Іоанновича, переходы эти были прекращены и велѣ-

но было учинить переписныя книги. Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, въ 1602 году, снова возвратилъ крестьянамъ права перехода, но произшедшіе отъ того безпорядки и крамолы, понудили его снова прекратить не только вольный переходъ крестьянъ, но и холопей повелѣлъ учинить невольными.

Въ законахъ великаго князя Ярослава Владиміровича, изданныхъ въ началѣ XI вѣка, упоминаются *половники* и *огнищане*. Первые были вольные земледѣльцы, вступившіе въ условіе съ землѣвладѣльцами обработывать ихъ земли *изъ полу*, а вторые, не желая вступать въ подобныя условія, выжигали лѣсныя дачи и сѣяли хлѣбъ по выженному мѣсту. Но такъ, какъ выженная земля была не прочна для землепашества, потому что она скоро вновь поростала лѣсомъ, то они переходили на другія мѣста, предавая огню новыя лѣсныя чащи, отъ чего вѣроятно и были названы *огнищанами* [9]).

СУДЪ И РАСПРАВА.

«Имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданія». *Несторъ.*

До призванія Рурика въ Россію, народы обитавшіе въ ней составляли отдѣльныя общества, управляемыя старшинами, которые чинили судъ и расправу, назначая наказанія виновнымъ [10]). Опредѣленія судей часто обращались въ пословицы, которыя, въ свою очередь, переходя въ потомство, принимали нѣкоторую форму закона; такъ пословица: *съ чужаго коня среди грязи долой* — произошла въ слѣдствіе статьи изъ Русской правды: *Аще кто всядетъ на чужъ конь не прошавъ, то Г гривны....* Но такія преступленія, которыя не подходили подъ установившіеся въ народѣ законы, судьи обсуживали ихъ, совѣщаясь съ людьми выборными отъ общества: вѣдь «умъ хорошо а два лучше». Когда же открыть истину было невозможно, то прибѣгали къ гаданьямъ [11]).

Первый письменный памятникъ русскаго законодательства есть Русская Правда, составленная Великимъ Княземъ Ярославомъ въ 1016 году, хотя многіе изслѣдователи древности [12]) думаютъ что до Яро-

слава на Руси были письменные законы, но за неимѣніемъ на то достовѣрныхъ фактовъ утверждать этого нельзя.

Русская Правда есть собраніе небольшаго количества статей, [13]). опредѣлявшихъ наказанія за преступленія. Наказанія эти состояли по большей части въ денежномъ взысканіи за нанесенныя обиды, такъ напримѣръ: «*Иже выбьютъ зубы, а кровь видять во рти у него, а люди вылѣзутъ то Ві гривни продажь, а зубъ гривна*»; *или:* «*Аще кто убьетъ жену: то тѣмъ же судомъ судити, якоже мужа; ажь буде виновата, то полъ виры К гривенъ. А в холопѣ и в робѣ нѣтуть виры; но оже буде без вины убьены, то за холопъ урокъ платити или за робу, а князю Ві гривни продажь*».

Русская Правда время отъ времени пополнялась новыми статьями, а прежніи измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ, такъ Владиміръ II добавилъ многія дѣльныя статьи, изъ которыхъ замѣчательна статья о банкротахъ [14]). Это продолжалось до Царя Іоанна Васильевича, который собралъ всѣ существующіе до того времени законы, пересмотрѣлъ ихъ и издалъ въ исправленномъ видѣ въ 1554 году подъ названіемъ *Судебника*, состоящаго изъ 97 статей. Причина, понудившая его издать судебникъ была та, что многіе удѣльные князья писали законы для своихъ подчиненныхъ какіе казались имъ нужными, а при уста-

новившемся единодержавіи, судьи не знали, при судопроизводствѣ какимъ руководствоваться закономъ.

Кромѣ судебника Іоаннъ издалъ *уставныя грамоты*, въ которыхъ опредѣлялась каждому судьи его должность. Эти грамоты давались старостамъ, цѣловальникамъ, сотскимъ и пятидесятникамъ, назначеннымъ находиться по селамъ.

Уголовныя дѣла рѣшали губные старосты, которымъ давались грамоты, называемыя губными, содержащія уголовные законы.

Въ послѣдствіи, также при Іоаннѣ Васильевичѣ былъ изданъ *Стоглавъ*. Это было собраніе статей, преимущественно относящихся до дѣлъ церковныхъ. Статьи эти были выбраны изъ постановленій собора, бывшаго въ Москвѣ въ 1551 году. Впрочемъ и здѣсь есть много законовъ, относящихся до дѣлъ гражданскихъ.

Царь Алексій Михаиловичъ добавилъ много законовъ къ Судебнику и издалъ новую книгу подъ названіемъ *Уложенія*. Вслѣдъ за Уложеніемъ издана была въ 1652 году *Кормовая книга*, служащая дополненіемъ къ Уложенію.

Разсмотримъ теперь пени и наказанія за преступленія, а равно и употребительнѣйшія пытки, производимыя въ старину.

По Русской Правдѣ преступникъ наказывался по большой части денежнымъ штрафомъ, такъ на пр. за ударъ кого нибудь палкою или кнутомъ взималось

12 гривенъ виры въ пользу обиженнаго, а за отрубленіе пальца 3 гривны.

Вира была *поклепная* и *дикая*; первая взималась съ убійцы, уличеннаго въ преступленіи *послухами* и *видоками*; но бывали случаи, что въ округѣ находили убитаго и виновникъ не былъ отысканъ, то вира за убитаго платилась цѣлымъ округомъ, вервью, гдѣ совершено было убійство; подобный платежъ назывался *дикою вирою* или общею. Но если убитый былъ совершенно безъизвѣстенъ, въ такомъ случаѣ округъ освобождался отъ платежа виры; а равно если находили однѣ кости убитаго, которыя свидѣтельствовали о давности преступленія. Вира не платилась также обществомъ за разбойника, котораго міръ выдавалъ князю на *потокъ* (изгнаніе), а домъ преступника отдавался на разграбленіе. За людина взыскивалось виры 40 гривенъ.

Вира, въ началѣ, была ничто иное, какъ выкупъ за убійство, замѣнившій месть, которая была въ старину допущена, что видно изъ Русской Правды: «*Ажъ убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, любо отцу, любо сыну, любо брато чаду, любо братню сынови; оже ли не будетъ кто его мстя, то положити за голову 80 гривенъ*».

Пеня съ виновнаго, взимаемая въ пользу казны, называлась *продажею*, если виновный отказывался платить за вѣкъ, т. е. за увѣчье, пеню, то его выдавали обиженному головою, предоставляя надъ нимъ

полную власть впредъ до уплаты пени; виновному, впрочемъ, предоставлялось право представить за себя *крѣпкую поруку*, то есть вѣрнаго поручителя. Пеня, полагаемая за убійство, называлась *головщиною*. Для открытія небольшаго воровства приводили къ присягѣ, что называлось *дать на вѣру* или *давать правду*. Присягали всегда по утру, на тощахъ. Если же воровство было значительное, то законъ воспрещалъ приводить къ присягѣ, потому что воръ могъ *потоптать роту*, *напрасно выцѣловать крестъ*. Народъ, указывая на присягнувшаго, обыкновенно говаривалъ: онъ правъ; *онъ пилъ роту*, *отцѣловался;* про клятвопреступниковъ говорили: *онъ пилъ роту въ кривѣ*.

Истцу и отвѣтчику предоставлялось право представлять *послуховъ и видоковъ*, первые передавали то, что слышали отъ другихъ, а вторые были очевидцы преступленія. Этого рода свидѣтели были уничтожены Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ. Лжесвидѣтели наказывались первые [15]).

Въ старину употребительна была очная ставка истца съ отвѣтчикомъ, въ Русской Правдѣ называлась она *сводомъ*. Для доказанія праваго дѣла двумъ тяжущимся предоставлялось по закону право выходить также на поединокъ. Изъ судебника мы видимъ что при поединкахъ должны были присутствовать: окольничій, дьякъ и подьячій; со стороны тяжущихся поруки ихъ. За поединки взималась пошлина какъ въ пользу казны, такъ и въ пользу окольничаго, дьяка

и поддьячаго. Поединки эти были отмѣнены въ 1556 году, а дѣла велѣно было рѣшать по обыскамъ.

Преступниковъ содержали въ покаянныхъ, т. е. темницахъ, закованныхъ въ *кайданы* [16]), къ допросу водили ихъ особенно для того приставленные люди, которые назывались: *позовниками*.

Пытка считалась судомъ Божіимъ и употреблялась въ такомъ случаѣ когда не оставалось уже болѣе никакого средства открыть истину. Употребительнѣйшія пытки были: *огнемъ*, *водою* и *дыба*.

Испытаніе огнемъ производилось слѣдующимъ образомъ: брали кусокъ раскаленнаго железа, клали его на ладонь преступника, который долженъ былъ пройти съ нимъ девять шаговъ. Послѣ этого кисть руки завязывали въ небольшой мѣшечикъ и прикладывали печать; по прошествіи трехъ сутокъ развязывали мѣшокъ и судьи смотрѣли руку, если на ней не было признаковъ обозженія, то подсудимый оправдывался, если же на рукѣ видѣнъ былъ знакъ отъ раскаленнаго железа то признавался виновнымъ и подвергался пени за преступленіе.

Пытка водою была равно ужасна: испытуемаго заставляли рукою доставать кольцо со дна сосуда, наполненнаго кипяткомъ, послѣ чего съ рукою поступали также какъ и послѣ пытки железомъ. Для испытанія употреблялась также и холодная вода: преступнику крестообразно связывали руки и ноги и бросали его въ воду; если онъ выплывалъ то былъ

правъ, если же тонулъ, то это приписывалось его судьбѣ, т. е. суду Божьему. По сказанію Олеарія пытали водою еще слѣдующимъ образомъ: обвиненному пробривали на макушкѣ голову и съ высоты нѣсколькихъ футовъ капали на голое мѣсто холодную воду, отъ чего му́ка была нестерпимая, и несчастный, чтобы избавиться отъ этой пытки, часто сознавался въ томъ, въ чемъ не былъ виноватъ.

Но самая ужасная пытка была, такъ называемая *дыба* или *виска*: преступнику связывали назадъ руки веревкою, конецъ которой перекидывали черезъ блокъ, находящійся подъ потолкомъ, и въ такомъ положеніи поднимали къ верху, вывертывая руки изъ суставовъ у плечь; къ ногамъ истязуемаго привязывали колоду, на которую становился палачь и часто, для умноженія боли, подпрыгивалъ на колодѣ. Пытка эта производилась въ особоустроенной комнатѣ съ толстыми стѣнами и называлась *застѣнкомъ*.

Розги, плети, кнутья и батоги были также въ употребленіи. Наказаннаго кнутомъ называли: *пробитый кнутьемъ*.

Торговая казнь производилась на торговой площади и состояла въ *бвзголовьи* [17]), или въ *окорненіи* т. е. урѣзаніи носа.

Сверхъ тѣлесныхъ наказаній по частнымъ искамъ съ виновныхъ взыскивалась также денежная пеня, которая называлась *доправою за безчестье*. Коли-

чество денегъ было различно, смотря какого рода было безчестье [18]).

Изъ уложенія [19]) видимъ, для того чтобы узнать правую сторону между тяжущимися — русскимъ и иностранцемъ, въ употребленіи былъ жеребій: «*чей жребій вынется и тому цѣловати крестъ, свое взятц и отцѣловаться*».

Долги по казенной и частной претензіи взыскивались *правежемъ*: не состоятельнаго должника выводили передъ приказъ разутаго и когда пріѣзжали судьи, то праветчикъ или приставъ начиналъ бить должника по голымъ ногамъ батогомъ до тѣхъ поръ, пока должникъ не удовлетворялъ кредитора. Царь Іоаннъ Васильевичъ указомъ 1558 года повелѣлъ за 100 рублей держать на правежѣ не болѣе мѣсяца, а если болѣе то долже, будеже менѣе — то менѣе времени. Если же по истеченіи срока должникъ неудовлетворялъ кредитора, то выдавали взявшаго деньги головою запмодавцу. Если долгъ былъ заплаченъ то должникъ скупался съ правежа. Царь Алексій Михаиловичъ въ уложеніи добавилъ, что должникъ могъ выставить на правежъ вмѣсто себя наемщика, или своего крѣпостнаго холопа.

Обычай ставить на правежъ вошелъ вѣроятно въ Россію со временъ владычества татаръ, потому что въ Русской Правдѣ о правежѣ не упоминается, а въ Судебникѣ это слово встрѣчается часто. Правежъ

отмѣненъ Петромъ I., который несостоятельныхъ должниковъ повелѣлъ ссылать на работы.

Для разобранія дѣла между двумя тяжущимися, состоящими подъ разными вѣдомствами, назначались двое судей, которые составляли *смѣстный судъ*. Въ старину, какъ и теперь, тяжбы начинались съ нижней инстанціи, такой порядокъ назывался *судомъ съ головы*. Судопроизводство начиналось такъ: первоначально составлялся *судный списокъ*, въ которомъ излагалось изслѣдованіе дѣла, съ показаніемъ истца и отвѣтчика, собраніе доказательствъ. Послѣ изслѣдованія, дѣло переходило къ боярину, для чего составлялся дьякомъ *докладной списокъ*, въ которомъ содержалось судебное рѣшеніе по уголовному или розыскному дѣлу. Боярин рѣшалъ дѣло окончательно, надписывая на бумагѣ: *оправити* или *обвинити* (такого-то). Дѣло выдавалось послѣ оправданному лицу.

До преобразованія Россіи Петромъ I. судьи и приказные получали содержаніе отъ дѣлъ, подвергавшихся ихъ разсмотрѣнію.

Съ умноженіемъ законовъ, въ Россіи появилось много дѣловыхъ бумагъ, называемыхъ *грамотами* и *записями*, писанныхъ на разные предметы. Не лишнимъ считаю исчислить замѣчательнѣйшія изъ нихъ:

Взметная грамота или *вкладная*—былъ мирный договоръ.

Владѣльная выпись — крѣпостной актъ, удостовѣряющій право на владѣніе землею.

Духовная или *душевная* грамота — духовное завѣщаніе.

Отдѣльная грамота — раздѣльная запись.

Ввозная грамота, такъ назывался вводный листъ во владѣніе; иначе называлась она *отводною* или *послушною* грамотою.

Жалованная или *жаловальная* грамота — было свидѣтельство о пожалованіи чего либо.

Отреченная грамота — былъ актъ, въ которомъ архіерей отрекался отъ управленія епархіей.

Отчинная или *помѣстная* грамота — выдавалась пожалованному вотчиною или помѣстьемъ въ потомственное владѣніе.

Бѣглая грамота — давалась владѣльцу вотчины, изъ которой бѣжалъ рабъ. Мѣстное начальство по этой грамотѣ обязано было содѣйствовать поимкѣ бѣглаго.

Выводная память — свидѣтельство отъ владѣльца вотчиною, даваемое вдовѣ или дѣвицѣ для вступленія въ бракъ съ чужимъ человѣкомъ.

Вѣнечная память — былъ приказъ приходскому попу отъ начальства о совершеніи брака. Къ этой бумагѣ прикладывалась печать, называемая *знаменною печатью.*

Вѣчная грамота — давалась отъ вѣча или собранія цѣлаго общества на какой нибудь предметъ.

Епитрахильная грамота—выдавалась овдовѣвшимъ

попамъ съ предоставленіемъ права продолжать имъ священнодѣйствіе.

Зазывная или *приставная* грамота — давалась судебнымъ мѣстомъ истцу, который имѣлъ право призывать по ней отвѣтчика въ судъ.

Зарядная запись — былъ контрактъ, въ которомъ назначалась неустойка; плата за неустойку называлась *зарядомъ*. Записи эти писали послѣ брачнаго договора и давали залогъ: въ случаѣ неустойки пропадалъ залогъ.

Любительная или *дружелюбная* грамота — подтверждала разнаго рода договоры.

Наказная память — нѣчто въ родѣ инструкціи.

Тарханная грамота — давалась лицамъ и цѣлымъ сословіямъ: въ ней объяснялось, что тѣ лица или сословія состояли неподсудимы воеводамъ тѣхъ вѣдомствъ, въ которыхъ они находились. *Отарханити* кого значило сдѣлать его независимымъ.

Оброчная грамота — было условіе, которое писалось при отдачѣ въ оброчное содержаніе имуществъ.

Опасная грамота или *опасъ* — была охранительная грамота, ручающаяся въ чьей либо безопасности.

Отступная грамота — былъ актъ объ отказѣ владѣнія имѣніемъ.

Переводная запись — актъ объ взятіи владѣнія отъ одного владѣльца въ пользу другаго.

Погонная грамота — былъ указъ, который давался посылаемому за кѣмъ нибудь въ погоню.

Подкрестная запись — присяжный листъ.

Полътная грамота — давалась на извѣстные годы для свободнаго прожительства; пачпортъ.

Похвальная грамота — рескриптъ, содержащій похвалу отъ государя подданному.

Проѣзжая грамота — выдавалась на свободный проѣздъ черезъ города и волости.

Грамота съ прочетомъ — льготная грамота, въ родѣ привилегіи на безпошлинный провозъ товаровъ.

Правая грамота — былъ актъ, выдаваемый оправданному по суду.

Всѣ крѣпостные акты вообще назывались *крѣпью*, а всякое письменное обязательство *кабалою*.

Древнѣйшія наши грамоты начинались такъ: «Се язъ князь...» или: «По благословенію отца нашего митрополита...» со времени Великаго князя Юрія Димитріевича (Галицкаго), около 1433 года, грамоты начинались словами: «Божіею милостію...» форма эта на старинномъ приказномъ языкѣ называлась: *Богословіемъ*.

Въ старину для подтвержденія истины говорили: да будетъ мнѣ стыдно, если я нарушу данное тебѣ слово; но по времени, когда стали во зло употреблять это выраженіе, начали *крѣпиться письмами*.

Для полученія отчины или помѣстья дворяне часто били государю челомъ. Отчины, даваемыя по ложному

челобитью, назывались *выгланными отчинами.* Подать челобитную послѣ разныхъ пропсковъ и достигнуть цѣли называлось: *добить челомъ.*

Не должно смѣшивать двухъ старинныхъ выраженій: *бить челомъ и ударить челомъ;* первое означало просить о чемъ нибудь, а второе — принести что нибудь въ даръ.

Грамоты писались на обыкновенной писчей бумагѣ на столбцахъ, называемыхъ *поставами* и это продолжалось до 1699 года. Съ этого времени вошла въ употребленіе гербовая бумага. Но самые древніе акты и договоры писались на пергаментѣ. Къ дѣловымъ бумагамъ прикладывали руки, не подписями, какъ дѣлается теперь, а буквально, то есть обмазывали ладонь черной краской и дѣлали оттискъ въ концѣ грамоты. Подписи на актахъ называли *приписями.*

На публичныхъ площадяхъ въ Москвѣ, всегда можно было найти приказнаго служителя, который за извѣстную плату писалъ челобитныя и разнаго рода сдѣлки; такихъ приказныхъ называли обыкновенно *площадными дьяками* или *площадными подьячими.*

Теперь остается исчислить присутственныя мѣста, которыя находились въ Россіи.

Въ царствованіе Великаго Князя Іоанна Васильевича появились приказы; каждый изъ нихъ завѣдывалъ отдѣльною частію по государственному управленію.

Приказъ Большаго Дворца или *Дворцовый Приказъ*— завѣдывалъ дворцовою экономіею. Въ приказѣ этомъ присутствовалъ бояринъ, называемый *Дворецкимъ*. Подъ вѣдомствомъ этого приказа состояли слѣдующія дворы:

1. *Сытный* или *сытенный дворъ* гдѣ находились погреба съ питейными запасами, какъ-то: мёдомъ, наливками и заморскими винами; этимъ дворомъ завѣдывалъ кравчій.

2. *Кормовой дворъ*, гдѣ хранились запасы мясные и рыбные.

3. *Хлѣбный дворъ*, гдѣ приготовлялись ко Двору хлѣбныя кушанья.

4. *Житный дворъ* — были амбары для ссыпки разнаго зерноваго хлѣба.

5. *Колымажный дворъ* — были сараи для храненія придворныхъ экипажей.

6. *Конюшенный дворъ* — гдѣ находились конюшни съ придворными лошадьми. Дворъ этотъ съ 1731 года былъ переименованъ въ конюшенную канцелярію.

Холопій судъ, названный въ послѣдствіи (1683) *холопьимъ приказомъ*, существовалъ уже въ 1550 году,—завѣдывалъ дѣлами, относящимися до холопей и былъ уничтоженъ Петромъ I. въ 1704 году.

Ямской приказъ. Изъ розрядныхъ книгъ видно что онъ существовалъ уже въ 1516 году. Завѣдывалъ сухопутными путями сообщенія, селами, повинными нести ямскую гоньбу и лежащими при большихъ до-

рогахъ и назначалъ для чиновниковъ, посылаемыхъ въ разныя мѣста, по казеннымъ дѣламъ лошадей, или нанималъ ихъ отъ мѣста до мѣста назначенія. Въ 1723 году ямской приказъ былъ переименованъ въ *ямскую канцелярію*. При боярнѣ *Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ*, который засѣдалъ въ ямскомъ приказѣ въ 1628 году, былъ составленъ уставъ, въ которомъ подробно обозначено по скольку должно давать подводъ какому чину.

Розрядный приказъ—было присутственное мѣсто, гдѣ разсматривались дворянскія дѣла. Въ розрядѣ присутствовалъ думный дьякъ. Приказъ этотъ существовалъ до учрежденія Сената.

Помѣстный приказъ—находился въ Москвѣ и завѣдывалъ помѣстными и вотчинными дѣлами; извѣстенъ сталъ съ 1553 года и назывался прежде *помѣстною избою*. Здѣсь считаю не лишнимъ замѣтить, что дворянскія родословныя книги введены были въ Россіи въ 1682 году.

Бронный приказъ — заготовлялъ для войска орудія какъ холодныя такъ и огнестрѣльныя, извѣстенъ сталъ съ 1573 года.

Приказъ большаго прихода. Такъ называлось государственное казначейство: объ немъ упоминается въ боярскихъ книгахъ въ 1573 году.

Посольскій приказъ — завѣдывалъ дѣлами, касающимися до сношеній съ иностранными державами;

существовалъ въ Россіи съ 1556 года, а прежде назывался *посольской избою.*

Земскій дворъ — извѣстенъ былъ до 1597 года, а съ этого времени былъ переименованъ въ *земскій приказъ.* Назначеніе его было смотрѣть за благосостояніемъ Москвы и ея окрестностей. Въ приказѣ этомъ рѣшались дѣла относительно разбоевъ и грабежей, существовалъ до 1700 года.

Въ селахъ находились *земскія избы,* которыми управляли земскіе головы или посадники. Назначеніе ихъ было одинакого съ земскими приказами.

Разбойный приказъ учрежденъ былъ Іоанномъ Грознымъ, а въ 1658 году былъ переименованъ въ *приказъ тайныхъ дѣлъ.* Въ приказѣ этомъ производились дѣла, которые должны были оставаться тайною для народа. Онъ извѣстенъ былъ также подъ названіемъ *слово* и *дѣло;* выраженіе это означало доносъ по важному преступленію.

Слово и *дѣло* говорили *языки* т. е. люди замѣшанные въ какомъ нибудь дѣлѣ. Эти языки, одѣтые въ мѣшокъ съ головы до ногъ подъ прикрытіемъ канвоя, ходили по улицамъ для открытія соучастниковъ въ преступленіи. Указывая на подозрительнаго человѣка, языкъ произносилъ: *слово* и *дѣло!* Показаннаго брали и пытали въ застѣнкѣ, часто совершенно безвинно. Таковой порядокъ для отысканія преступника былъ причиною многимъ злоупотребленій.

Казенный дворъ — было складочное мѣсто гдѣ хранились казенныя сукна, парчи, ткани, утвари и прочія вѣщи, отпускаемыя ко Двору. Первоначальное извѣстіе о казенномъ дворѣ встрѣчаемъ мы въ 1598 году. Подъ вѣдомствомъ его состояла гостиная сотня.

Стрѣлецкій приказъ завѣдывалъ дѣлами, относящимися до стрѣлецкаго войска и вообще ратной повинности. Приказъ этотъ съ 1601 года назывался *стрѣлецкой избою.*

Каменный приказъ — имѣлъ надзоръ за постройками изъ камня [21]); сталъ извѣстенъ съ 1628 года.

Печатный приказъ, иначе *печатня*, или *печатный дворъ*. Здѣсь прикладывали печати къ разнымъ бумагамъ. Печатнею завѣдывалъ думный дьякъ, который назывался *печатникомъ*. При печатномъ дворѣ находилась также и типографія. Въ 1722 году печатный дворъ былъ переименованъ въ *печатную контору.*

Аптекарскій приказъ, учрежденный въ Москвѣ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1620 году, завѣдывалъ аптекарями и лекарями.

Дума Царская, или *большая Дума* основана была еще до Царя Іоанна Васильевича Грознаго. Это было верховное судилище, въ которомъ подъ предсѣдательствомъ Самаго Государя засѣдали бояре, окольничьи и думные дворяне, и носили общее названіе *думныхъ людей.* Въ Думѣ этой обсуживались дѣла самыя важныя, касающіеся до отечества. На бумагахъ,

которыя писались въ Думѣ, обыкновенно употреблялось выраженіе: «Государь указалъ и бояре приговорили». Дума эта помѣщалась во Дворцѣ; называлась также: *Золотою Думою.*

Дума боярская — былъ временный боярскій совѣтъ во время междуцарствія, состоящій изъ бояръ подъ предсѣдательствомъ старшаго боярина.

Дума земская, гдѣ обсуживались земскія дѣла боярами и выборными людьми.

Патріаршій приказъ было судилище, подвѣдомственное Патріарху, который рѣшалъ въ немъ дѣла до церкви относящіяся. Приказъ этотъ завѣдывалъ также патріаршими доходами и разными богоугодными заведеніями, какъ-то: больницами, богадѣльнями, сиротскими домами и проч. По записнымъ книгамъ видно, что онъ былъ уже въ 1626 году.

Пушкарскій приказъ завѣдывалъ пушкарями и инженерною частію. Подъ его вѣдѣніемъ находились также заводы селитряные, пороховые и всѣ мастера, работавшіе на этихъ заводахъ.

Мытный дворъ, котораго назначеніе было въ собираніи пошлинъ и разнаго рода повинностей.

Денежный дворъ — гдѣ чеканили монету.

Губная изба — была расправа, находившаяся въ стану, подъ вѣдомствомъ губнаго старосты, который засѣдалъ въ ней и разбиралъ дѣла уголовныя.

Съѣзжая изба — была тоже самое что теперь съѣзжій домъ.

Россія при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ была раздѣлена на три трети: Владимірскую, Новгородскую и Рязанскую, а послѣ завоеванія Казани присоединилась четвертая часть, которая была названа *казанскою четью.* Четьми этими завѣдывали бояре. Во владѣніи каждой чети было по нѣскольку городовъ съ ихъ округами и волостями.

Слово *четь* по записнымъ книгамъ встрѣчаемъ довольно часто; время отъ времени они прибавлялись. Для управленія каждой четью устроены были особые приказы.

РАТНОЕ ДѢЛО.

Въ полѣ кто служитъ — о домѣ не тужитъ.

Охраненіе границъ отечества отъ хищничества и набѣговъ иноплеменныхъ народовъ, а также, отчасти, и желаніе пріобрѣсти чужую собственность, заставляли русскихъ дѣйствовать вооруженною рукою. Князья — удальцы наши славились молодечествомъ, война составляла ихъ пятую стихію, не прихоть — а необходимую потребность. Таковъ былъ духъ древней Руси!

Въ старину постояннаго войска у насъ небыло, а въ случаѣ надобности по положенію вѣча набирали *воевъ*, которыхъ назначали съ нѣсколькихъ *дымовъ* или *сохъ* по одному человѣку; но когда предстояла большая опасность, то вся волость шла поголовно. Только при Дворѣ Великаго Князя были Гридни [22]), составлявшіе постоянную дружину. Они были вооружены мечами и топорами на длинныхъ древкахъ, въ родѣ нынѣшнихъ алебардъ. Отборные изъ гридней окружали всегда Великаго Князя и были его тѣлохранителями. Дружина эта, со времени Андрея Боголюбскаго, стала именоваться Дворомъ. Основаніемъ дружиннаго войска были дѣти боярскіе и отроки княжескіе, которые съ переименованіемъ дружинъ во дворы

стали именоваться дворянами. Званіе боярина и дворянина обязывало изстари нести службу.

Подражая во всемъ Двору великокняжескому, удѣльные князья устроили у себя гридней, а бояре вооруженныхъ людей изъ своей дворни, съ которыми обязаны были, въ случаѣ надобности, являться немедленно на мѣсто гдѣ собиралось войско идти на битву.

Кромѣ этого войска набиралось еще земское, которое вооружалось по произволу: копьями, стрѣлами, бердышами, рогатинами и сѣкирами. Многіе князья, на всякій случай, имѣли запасы разнаго оружія, которое доставали изъ Византіи и Персіи и раздавали его воинамъ на военное время. Сами же князья надѣвали шлемы и панцыри. Города имѣли своихъ окладчиковъ, назначаемыхъ розрядомъ; обязанность ихъ состояла въ разборѣ новиковъ и недорослей, ихъ верстали и назначали кому быть въ какомъ вооруженіи. По первому призыву Государя, верстанный помѣщикъ, обязанъ былъ приводить съ собою на службу своихъ холопей, смотря по величинѣ помѣстья и по надобности. Въ XVI столѣтіи обыкновенно выставлялось со 100 четвертей доброй земли по одному конному и по одному пѣшему ратнику, вооруженными бердышемъ и рогатиною. Иногда взамѣнъ вооруженія вносили на покупку его деньги, которыя назывались *пищальными* [23]).

Въ случаѣ недостатка туземнаго войска нанимали иноземцевъ за извѣстную плату, съ обязательствомъ

также отдать имъ часть завоеванной добычи. Нанимали большею частію Варяговъ, Палазговъ и Торковъ, которые всегда были хорошо вооружены. Смотря по вооруженію и войска раздѣлялись на копейщиковъ и стрѣлковъ и были конные и пѣшіе. Послѣднихъ снабжали лошадьми князья и бояре изъ собственныхъ табуновъ.

Если войскомъ не начальствовалъ самъ князь, то оно поручалось боярину извѣстному военными доблестями; такой боярinъ назывался воеводою *большаго полка.*

Выведя войско въ поле, онъ дѣлилъ его на *переднюю стражъ* (авангардъ), *боевую линію*, или *большой полкъ* и *тыльную стражъ* (арьергардъ). Фланги назывались *крыльями* или *руками. Снарядъ* (артилерія) находился почти всегда при большомъ полку. Пушкари раздѣлялись на гранатчиковъ, затинщиковъ, плотниковъ и кузнецовъ. Пушки возили на обывательскихъ лошадяхъ, называемыхъ *посошными*, взятыхъ въ зачетъ повинностей. Изъ отборныхъ стрѣльцовъ составлялся особенный полкъ, называемый *стрѣмяннымъ*, который находился всегда при особѣ Государя.

Какъ большимъ полкомъ такъ и каждымъ крыломъ, авангардомъ и арьергардомъ начальствовали воеводы. Начальникъ артилеріи назывался *воеводою отъ снаряда.*

Воевода большаго полку былъ старшимъ. При назначеніи воеводъ преимущественно обращали вниманіе на знатность рода.

Воеводы, находясь среди своихъ полковъ, имѣли при себѣ *набатъ* т. е. литавры, которыми подавали они сигналы, замѣнявшіе команду. При арміи состоялъ еще такъ называемый *эртаульный отрядъ*, обязанность котораго состояла въ развѣдываніи о дѣйствіяхъ непріятеля, захватываніи языковъ и курауловъ.

При нечаянномъ нападеніи непріятеля въ полѣ на войско, воеводы строили *гуляй;* это было временное укрѣпленіе изъ нѣсколькихъ сотъ телѣгъ съ высокими спинками; изъ за гуляя стрѣляли въ непріятеля и часто отбивались отъ него удачно. Употребительнѣйшее построеніе войска было: *свиная голова;* такъ назывался строй, имѣвшій форму свиной головы.

Раздѣленіе войска на полки началось уже при Іоаннѣ III.

Дружина княжеская была на содержаніи князя, а войско земское получало продовольствіе отъ міра, только отличившіеся на войнѣ получали награду отъ Князя.

Для обороны отъ непріятельскихъ набѣговъ строили на границахъ крѣпости. Для сего окапывали извѣстное мѣсто глубокимъ рвомъ; въ срединѣ срубали изъ бревенъ дѣтинецъ, названный въ послѣдствіи кремлемъ, часто въ двѣ стѣны, между которыхъ на-

сыпали землю и каменья; по угламъ крѣпости возвышались *стрѣльни* или *бойницы*, съ которыхъ кидали въ осаждающихъ камни. Башни эти бывали иногда въ три яруса, или съ тремя боями.

Вмѣсто сруба иногда втыкали въ землю толстые остроконечные колья и тогда крѣпость называлась *острогомъ*.

Дѣтинцы носили названіе города *днешняго*, а валъ или окопъ — города *окольнаго*. Земляной валъ назывался иначе *спомъ*, *приспомъ* отъ *сыплю*, *присыпаю*. Въ старину подъ словомъ городъ разумѣли крѣпость.

Въ дѣтинцѣ хранилось оружіе, зелье (порохъ); были: губной дворъ, земская и съѣзжія избы и тюрьма, а вокругъ крѣпости былъ расположенъ *посадъ* или *пригородъ*, гдѣ помѣщались таможенный и кабацкій дворы. Посадскіе жители имѣли свои дворы въ городѣ, куда перебирались въ осадное время; такіе дворы обыкновенно назывались осадными. Укрѣпленныя мѣста назывались также твердыми мѣстами. Меньшіе города всегда были подчинены главному. Служилые люди въ городахъ были дѣти боярскіе, стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники, плотники и кузнецы. Главнымъ начальникомъ города былъ воевода, который завѣдывалъ военною силою крѣпости, государевою казною и вообще всѣми городскими дѣлами.

По приказанію Царя Михаила Ѳеодоровича по городамъ избирались губные старосты изъ первыхъ статей. Выборъ падалъ на такого человѣка, котораго бы

съ губное дѣло стало, который былъ бы *гораздъ грамотъ душою прямъ и животомъ прожиточенъ*. Избраніе производилось духовенствомъ, дворянами, прикащиками, цѣловальниками, крестьянами и посадскими людьми. Сверхъ того въ каждомъ городѣ должны были находится: *объѣздной голова и земскій староста*. Должность перваго состояла въ наблюденіи за исправностію карауловъ у воротъ и по прясламъ; обязанность же земскаго старосты была засѣдать въ земской избѣ съ цѣловальникомъ и дьякомъ, гдѣ онъ завѣдывалъ мірскими дѣлами и велъ земскіе приходы и расходы.

Каменныя укрѣпленія сдѣлались извѣстны съ XIV вѣка, такъ В. К. Дмитрій Іоанновичъ обвелъ Москву каменною стѣною въ 1367 году, а въ 1372 Нижній Новгородъ.

Для осады крѣпостей употребляли *возграды*, которые имѣли форму подвижныхъ башень; ихъ придвигали къ стѣнамъ крѣпости и метали съ нихъ на осажденныхъ тяжелыя каменья и горючія вещества. Пушки, употребляемыя для осады крѣпостей, назывались *ломовыми пищалями;* стѣны разбивали *тараномъ*, которымъ поднимали огромные камни, онъ назывался иначе *бомбардою*. Употреблялись также *приступные перевѣси, быки* и *по́роки* [24]).

Огнестрѣльное оружіе вошло у насъ въ употребленіе при В. К. Димитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ, онъ первый выписалъ изъ немѣцкой земли арматы въ 1389

году. При Іоаннѣ III артилерія была усилена и сдѣлалась необходимою принадлежностью ратнаго дѣла въ Россіи.

Въ рукопашной свалкѣ дѣйствовали топорами и *сулицами*, которыя были въ родѣ небольшаго копья.

Со введеніемъ въ Россіи огнестрѣльнаго оружія употребительнѣе всего были пищали, которыя раздѣлялись на *завѣсныя* и *затинныя*. Первыя были ничто иное какъ наши ружья, но только безъ замка и зажигались фитилемъ; получили свое названіе отъ того что вѣшались за спину на ременной перевязи, называемой *берендейкою*. Затинныя пищали или иначе *измаговницы*, или *тюфяки* имѣли только форму ружья, но были нѣчто въ родѣ пушекъ: при заряженіи и стрѣльбѣ ихъ устанавливали на подставкахъ; къ каждой таковой пищали назначалось по нѣскольку человѣкъ затинщиковъ. Пищали среднеколиберныя назывались *змѣйками*, *волконеями*, *соколками* и *ручницами*.

Войско съ оружіемъ меньшаго калибра, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу, составляло нѣчто въ родѣ полевой артилеріи и называлось *верховнымъ огненнымъ боемъ*.

Дружина получала въ вознагражденіе за службу часть дани, собираемой съ покоренныхъ народовъ, а воеводы и бояре получали во временное управленіе города и области, а за большіе заслуги жаловались помѣстьями и вотчинами въ потомственное владѣніе, что началось съ XVI столѣтія.

Изъ актовъ историческихъ видимъ что служилые люди испрашивали иногда сами у Государя вознагражденіе за службу: «*А Терскіе служилые люди всеконечно на мертво голодны и наги и босы, а промысловъ своихъ для Астороханской службы всѣ отстали, чѣмъ кормились по рѣчкамъ рыбенкой* [25])».

До царствованія Петра I. въ Россіи положеннаго жалованья почти не было, а выдавалось оно смотря по обстоятельствамъ, кромѣ денегъ — хлѣбомъ, какъ то: мукою, овсомъ, крупою иногда даже виномъ и сукномъ.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго было устроено въ Москвѣ постоянное войско, которое было названо *стрѣльцами;* ихъ набирали изъ волостныхъ жителей, даточныхъ и вольныхъ охочихъ людей; вооруженіе ихъ состояло изъ пищалій и копій. Стрѣльцы составляли гарнизонъ въ Москвѣ, а послѣ и въ пограничныхъ городахъ. Имъ предоставлялось право въ мірное время занимать должность площадныхъ дьяковъ и торговать. Какъ сословіе, они поставлены были ниже дворянъ, но выше посадскихъ людей.

Стрѣльцы раздѣлялись на приказы, отъ 500 до 1000 человѣкъ въ каждомъ; приказы дѣлились на сотни и десятни. Начальникъ приказа назывался *стрѣлецкимъ головою*, сотнею — сотникъ, десятнею — тесятникъ. При приказахъ находились *приставы*, которые исполняли должность нынѣшнихъ адъютантовъ.

Въ концѣ XVII столѣтія при войскѣ нашемъ дѣлали уже артикулы. Вотъ образецъ, дошедшей до насъ команды тогдашняго времени: [26]).

Клади пасть на лапасть,
Окружь съ поля.
Виль на сторону.
Торни на плечо.
Притисни на караулъ.
Прауху на гоматуху.
Пехъ передъ себе.
Притисни на караулъ.
Откинь кивалца.
Посунься впередъ.
Слухай.
Къ ноги.
Выпехни въ обѣ пясти.

. . . . . .

При Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ въ 1563 году былъ учрежденъ особенный отрядъ тѣлохранителей, названный *опричниками*, въ которые принимались безпомѣстные дѣти боярскіе и отборные изъ стрѣльцовъ. Количество опричниковъ было до пяти тысячь и существовали они 6 лѣтъ. На содержаніе ихъ отводили особенныя волости, называемыя тогда *опричинами*. Нынѣшній городъ Александровъ (Владимірской губ.) былъ главною слободою въ то время.

Ѳеодоръ Іоанновичъ къ стрѣлецкимъ дружинамъ присоединилъ конные отряды жильцовъ.

При царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ призваны были въ русскую службу иностранцы изъ нѣмцевъ, шотландцевъ, голандцевъ и поляковъ, подъ руководствомъ которыхъ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, образовывали наши войска по примѣру европейскому и составлены были конные полки рейтаръ и драгунъ, которые находились въ вѣдѣніи иноземнаго приказа.

Всѣми военными дѣлами завѣдывалъ Розрядный приказъ, который, послѣ объявленія царскаго указа на постельномъ крыльцѣ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ о намѣреніи Государя идти войною на непріятеля, дѣлалъ распоряженія — разсылалъ гонцовъ въ разные города съ назначеніемъ куда должны поставлять запасы, по скольку и къ какому сроку. Разсыльщики съ грамотами избирались изъ жильцевъ. Воеводы городовъ верстали недорослей изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и высылали ихъ на сборное мѣсто. Поверстанныхъ называли *служащими по выбору;* неявившихся по назначенію писали въ *пятьхъ* и подвергали ихъ штрафу: лишали помѣстьевъ и наказывали батогами.

Повинности рекрутскія извѣстны были въ старину подъ названіемъ *проторей* и *разметовъ.* Подъ первымъ видомъ называлась поставка рекрута натурою, или въ замѣнъ его денежная плата; деньги эти употребляли для найма охотниковъ. Подъ вторымъ названіемъ разумѣли денежные и хлѣбные сборы на содержаніе рекрутъ.

При наборѣ войскъ въ XVI вѣкѣ рекрутскія повинности платились съ сохи, а въ XVII съ дыму, смотря по надобности: со 100 дворовъ съ 50 или съ каждаго двора по человѣку. Въ 1612 году правительство требовало на жалованье ратнымъ людямъ и на разные расходы *какъ кому мочь сяжетъ* [27]).

Назначенные въ службу обязаны были являться всякій въ свою *десятню*. Десятни этѣ носили названія тѣхъ городовъ, съ которыхъ собирались новики, такъ, десятня суздальская, состояла изъ собранія людей со всего суздальскаго округа. Обязанность округа, изъ котораго брали даточниковъ, состояла въ продовольствованіи и вооруженіи ихъ. Всякая десятня имѣла свой *Стягъ* или знамя, на которомъ было изображеніе святаго и Спасителя. На знамени Князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго изображено: на одной сторонѣ Спаситель, благословляющій правою рукою, съ надписью: *Іисусъ Христосъ Господь Вседержитель;* въ лѣвой развернутое Евангеліе, заключающее слова: «пріидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра, взалкахъ бо Я и дасти Ми ясти, возжаждахъ и напоясте Мя, страненъ бѣхъ и введосте Мене, нагъ и одѣсте Меня». Во кругъ знамени, съ этой же стороны, славянскими серебряными буквами, слѣдующая надпись: «Съ вышнихъ призираяй, убогія пріемля, посѣти насъ озлобленные грѣхи, Владыко всемилостиве! молитвами Богородицы даруй душамъ нашимъ велію милость. Вся-

кія скверны, всемилостиве Спасе! азъ быхъ дѣлатель и въ отчаяніи въ ровъ впадея, но стеню отъ сердца и вопію къ Тебѣ, Словѣ! Ускори Щедрый и потщися на помощь нашу яко милостивъ».

На другой сторонѣ изображенъ Архангелъ Михаилъ въ рыцарскомъ вооруженіи съ обнаженнымъ мечемъ, предъ нимъ на колѣняхъ Іисусъ Навинъ съ мечемъ поверженнымъ на землю. Вокругъ этого изображенія слѣдующая подпись: «Бысть, егда бяше Іисусъ у Ерихона и воззрѣвъ очима своими и видѣвъ человѣка стояща предъ нимъ, и мечь обнаженъ въ руцѣ его, и приступи къ нему и рече: нашъ ли еси или отъ сопостатъ нашъ? онъ же рече ему: Азъ Архистратигъ силы Господни, и нынѣ пріидохъ сѣмо; и падъ Іисусъ поклонися лицемъ своимъ на землю, и рече ему: Владыко, что повелѣваеши твоему рабу? и рече Архистратигъ силъ ко Іисусу: изуй сапогъ твой съ ногу твоею; мѣсто бо, на немъ же стоиши свято есть».

Знамя это сдѣлано изъ темно красной шелковой матеріи, длиною въ три а шириною въ два аршина. Хранится оно въ церкви одного села, принадлежащаго нѣкогда фамиліи князей Пожарскихъ, близь Новгорода.

Полковыя знамена назывались *полковничьими*, а сотенныя — *братскими*.

Старинныя сѣдла и узды наши были схожи съ монгольскими; въ рукахъ кавалеристы имѣли плетки, а нѣкоторые привязывали къ сапогамъ *бодцы* т. е. шпо-

ры. Богатые люди надѣвали латы и мѣдные шишаки, украшенные перьями.

При войскѣ нашемъ были и музыкальные инструменты, состоящіе изъ роговъ, трубъ, сопелей, бубенъ или накровъ, сурнъ, мѣдныхъ котловъ и набатовъ.

Одежда и вооруженіе Русскихъ воиновъ становятся извѣстными у насъ съ X вѣка. Мы имѣемъ свидѣтельство Льва дьякона, который жилъ во времена Святослава; онъ говоритъ, что Русскіе въ то время имѣли брони колчужныя, шлемы, мечи, копья и щиты. Воины знатнаго рода вмѣсто латъ употребляли *кучки*, это были металическія нашивки на суконномъ платьѣ, а на головы надѣвали шапочки, называемыя *мисюрками*, съ металическими верхушками и съ забраломъ. Остроконечная тулья у шлема называлась *наверши́емъ*. Для прикрытія плечъ отъ удара надѣвали *нарамки*, а для защиты рукъ — *наручи*. Къ шлему прикрѣпляли *наушки*, для защиты боковой части головы.

Для украшенія привѣшивали къ поясу разныя металическія фигурки, которыя при движеніи воина производили звукъ, отъ чего и получили они названіе *брящальцевъ*. Чрезъ правое плечо надѣвали обвязь, на которой висѣлъ мечь.

За отличіе въ ратномъ дѣлѣ вельможамъ жаловали золотыя гривны, цѣпи и богатыя шубы; простыхъ ратниковъ награждали деньгами.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА.

Врачебная часть въ древней Россіи мало была развита. Больной, желая излечиться отъ одержимаго имъ недуга, прибѣгалъ за помощью къ людямъ знающимъ цѣлебное свойство травъ и кореньевъ, или врачующихъ непонятными ни кому пріемами. Такихъ знатоковъ называли *вѣдунами*, *знахарями* и *чародѣями*.

Вѣдуны и знахари были люди, посвятившіе себя въ познанія свойствъ нѣкоторыхъ растеній, которыми они пользовали съ прибавленіемъ суевѣрныхъ обрядовъ, какъ-то: взбрызгиваній и нашептываній; нерѣдко помогали, что скорѣе должно отнести къ случаю, къ крѣпкой натурѣ больнаго и здоровому климату. Въ неудачѣ утверждали, что больному уже такъ было *на роду написано;* простодушные вѣрили знахарямъ на́ слово.

Другое дѣло чародѣи, названіе которыхъ произошло отъ армянскаго чаръ չար — чертъ, на нихъ смот-

рѣли какъ на людей, имѣющихъ сообщество съ нечистою силою, чертомъ, отъ чего и книги ихъ были названы *черными*. Искуство чародѣевъ состояло въ заговорахъ, изъ которыхъ многіе дошли до нашего времени, хотя въ искаженіи. На чародѣя смотрѣли со страхомъ: люди эти, за извѣстную плату, портили ближняго, производя въ немъ искуственную истерику, одержимыхъ которою называли *кликушами*, что сохранилось и до сихъ поръ; *вынимали сльдъ*, производили ревматизмъ и вообще дѣлали много вреда.

Всѣ были убѣждены, что большая часть болѣзней происходитъ *съ глазъ*. Къ больному призывали знахаря, который бралъ чашу съ водою, клалъ туда соль, уголья, хлѣбъ и начиналъ шептать надъ этимъ заговоръ, послѣ чего давалъ больному *испить таковой водицы*, большею частію на тощахъ.

Заразительныхъ болѣзней въ старину не знали [28]). Большею частію страдали *огненнымъ недугомъ* [29]) и *трясавицею* [30]). Въ горячкѣ давали прохладительныя средства и *пургацею* [31]); пили мятою и шалфеемъ; въ лихорадкѣ первоначально давали сокъ изъ растенія, называемаго *молочай* (euphorbia esula), называемое также *ослиное молоко*, отъ чего больной, послѣ продолжительной рвоты выздоравливалъ; если же послѣ рвоты не было облегченія, то давали пить полынь. При воспаленіи или сильномъ ушибѣ отворяли кровь, что называлось *бить жилу*, *соколъ* [32]).

Отъ зубной скорби употребляли заговоры. Бородавки изгоняли сокомъ бѣлаго девесила (carlina vulgaris), навываемый въ простонародьи *колюкою*. Отъ безсонницы пили сонъ-травою (humulus lupulus) и клали ее сухую въ подушки, на которой спалъ больной. Прѣсти или раны прикладывали *баранникомъ* (arnica montana); отъ надучей болѣзни пили корнемъ или травою чернобыльника (artemisia vulgaris). Къ нарывамъ прикладывали *поддорожникъ* (plantago), отъ глистовъ дѣтей пили божьимъ деревомъ (artemisia abrotanum), отъ головной боли употребляли отваръ изъ чабору, которымъ мыли голову; душица, мята и васильки тоже признавались хорошими лекарствами отъ головной боли; рѣзь въ животѣ исцѣляли отваромъ изъ укропу.

Лекарственныя травы всегда были туземныя, ихъ собирали въ половинѣ лѣта, сушили въ тѣни и сберегали цѣлый годъ.

Въ прибавленіи къ этой рубрикѣ прилагаю списокъ употребительнѣйшихъ въ старину травъ и нѣсколько заговоровъ, а теперь опишу медицинскую часть въ Россіи въ историческомъ отношеніи.

Первымъ лекаремъ въ Россіи упоминается какой-то *Смера*, Половчанинъ, жившій при Владимірѣ Святомъ; а въ XII вѣкѣ — *Петръ Сирянинъ*, который въ то время получилъ названіе *лѣчца вельми хитра*.

Въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго въ Россію были призваны врачи изъ иностранцевъ. Из-

вѣстнѣйшій изъ нихъ былъ *Бомелій*, упоминаемый въ русскихъ актахъ подъ именемъ *дохтура Елисея*. Онъ умѣлъ заслужить довѣріе Грознаго, который сдѣлалъ его своимъ лейбъ-медикомъ. Вмѣсто того, чтобы пользовать больныхъ, Бомелій употреблялъ во зло свои познанія: онъ составлялъ яды и давалъ ихъ тѣмъ, кого нужно было лишить жизни, часто не за проступки, а по одному подозрѣнію. Англійскій посланникъ Баусъ пишетъ, что Бомелія, уличеннаго въ связи съ Баторіемъ, сожгли въ Москвѣ въ 1569 году.

Въ 1581 году прибылъ въ Россію изъ Англіи докторъ Якоби, по рекомендаціи англійской королевы Елисаветы. У насъ прозвали его *Романомъ Елизарьевымъ*. Изъ числа прочихъ, въ царствованіе же Грознаго, въ актахъ упоминаются доктора: Арнольфъ Лензей, Стендишъ, Ричардъ Эмисъ и какой-то Іоганъ.

Въ царствованіе Бориса Ѳеодоровича Годунова, знаменитый медикъ былъ *Каспаръ Фидлеръ* [33]).

До 1695 года, медиками въ Россіи были исключительно иностранцы; но въ этомъ году прибыли въ Москву обучавшіеся въ Падуѣ русскіе медики; Посниковъ и Волковъ съ степенью докторовъ.

Первыя больницы учреждены были въ Москвѣ въ 1550 году; а въ 1581 прибылъ изъ Англіи аптекарь *Джемсъ Френгешъ*, который устроилъ въ Москвѣ первую аптеку при Дворѣ.

Въ 1620 году учрежденъ былъ въ Москвѣ аптекарскій приказъ, въ которомъ присутствовали нѣкоторые

придворные врачи подъ предсѣдательствомъ *Архіатера* или старшаго изъ нихъ. Приказъ этотъ завѣдывалъ всѣми дѣлами относящимися до врачебной части. По его распоряженію заведены были въ Москвѣ аптекарскіе огороды, которые находились подлѣ западной стороны Кремля и въ селѣ Измайловѣ.

Въ царствованіе Петра I, аптекарскій приказъ былъ переименованъ въ аптекарскую канцелярію, которая въ 1725 году была названа медицинскою канцеляріею, а въ 1763 году — медицинскою коллегіею и существовала до 1803 года.

Первый госпиталь и анатомическій театръ устроенъ былъ въ Москвѣ по повелѣнію Петра I въ 1706 году, а въ 1715 году, заложена была въ С.-Петербургѣ морская и сухопутная госпиталь, при которой обучались нѣсколько молодыхъ людей изъ русскихъ, готовящихся быть лекарями.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Реэстръ употребительнѣйшихъ лекарственныхъ травъ въ старину:

Вероника (veronica officinalis).

Материнка или душица (origanum vulgare).

Мята (mentha crispa).

Болиголовъ, называемый иначе: омегъ, головоломъ, мутникъ, вяха, вонючка, дехтярка (conium maculatum).

Мать и мачиха или подбѣлъ, бѣлокопытникъ (tussilago).

Буквица (betonica officinalis).

Золототысячникъ (erythraca centaureum).

Собирали также цвѣты съ деревьевъ бузины и липы, которые употребляли какъ потогонныя средства. Сверхъ того почиталось хорошо имѣть травы, которымъ приписывалась чародѣйская сила:

Колюка или бѣлый девесилъ (carlina vulgaris).

Адамова голова (mandragora officinalis).

Прикрытъ или волчій корень (cacalia hastata).

Папоротникъ или кочедыжникъ (filix).

Нечуй вѣтеръ (hieracium pilosella).

Плакунъ (lythrum salicaria).

ЗАГОВОРЫ:

1. ОТЪ ЗУБНОЙ СКОРБИ.

Заря зарница, красная дѣвица, полуношница, въ полѣ заяцъ, въ морѣ камень на днѣ Лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою отъ проклятаго Лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы. Врагъ Лимарь откачнись отъ меня; а если ты будешъ грызть мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преисподнія. Слово мое крѣпко!

2. НА ОСТАНОВЛЕНІЕ РУДЫ.

Ѣхалъ человѣкъ старъ, конь подъ нимъ карь, по ристанямъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты мать руда жильная, жильная, тѣлесная, остановись, назадъ воротись. Старъ человѣкъ тебя запираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебя мать руда не бывало. Слово мое крѣпко!

3. ОТЪ БѢШЕНОЙ СОБАКИ.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты старица возьми свое жало и пріиди къ рабу, такому-то, вынь изъ раба, такого-то, жало смертное. Заговариваю раны болючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу и затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой, сидите и во вѣки не сходите.

4. ЗАГОВОРЪ МОЛОДЦА НА ЛЮБОВЬ КРАСНОЙ ДѢВИЦЫ.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ тоска. Бьется тоска, убивается тоска, съ доски на воду, изъ воды въ поломя, изъ полымя выбѣгалъ сатанина, кричитъ: Павушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабѣ, такой-то: въ губы и въ зубы, въ ея кости и накости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную,

чтобы раба, такая-то, тосковала всякій часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ, ѣла бы, не заѣла, пила бы, не запила, спала бы, не заспала, а все бы тосковала, чтобъ я ей былъ лучше чужаго молодца, лучше роднаго отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цѣпями, бросаю ключи въ Окіанъ море, подъ бѣлъ горючь камень Алатырь. Кто мудренѣе меня взыщется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ, тотъ отгонитъ тоску [34]).

СРЕДСТВО ОТЪ ЗУБНОЙ БОЛИ.

Приложить щеку, съ которой стороны болитъ зубъ, къ рябинѣ и сказать: «матушка рябина! возьми свою зубную боль, а я тебя не буду ѣсть, по сей день, по сей часъ, спаси Господи, сохрани и помилуй (нмярекъ).» Послѣ сего плюнь въ противуположную сторону.

СИМПАТІЯ ОТЪ БОРОДАВОКЪ.

Разрѣзать яблоко на двѣ половинки, вытереть имъ бородавки, связать его крестъ на крестъ суровой ниткою и закопать въ навозъ; яблоко сгніетъ и бородавки пропадутъ [35]).

МОНЕТА.

За свой грошъ вездѣ хорошъ.

Въ доисторическій періодъ у насъ не было монеты, не было и торговли, но была мѣна произведеній одной земли на произведенія другой. Россія изобиловала лѣсами, чему доказательствомъ служатъ теперешнія названія деревень [36]). Въ лѣсахъ этихъ водились звѣри самыхъ дорогихъ породъ, а звѣриная охота составляла любимое занятіе и промыселъ нашихъ предковъ. Сосѣдніе народы вымѣнивали у насъ звѣриныя шкурки, которыя имѣли опредѣленную цѣнность, такъ, за куницу давали 20 бѣлокъ. Для того чтобы вымѣнить дешевый товаръ употребляли и мѣха дешевые, какъ то: бѣлки, звѣриныя мордки или лобки. Названіе мѣховъ, по времени, перешло въ названіе монеты.

Хотя нѣкоторые наши ученые увѣряютъ, что были у насъ монеты современныя Княгинѣ Ольгѣ и приводятъ въ примѣръ найденныя, будто бы, *монеты* Ольги и Владиміра, но я полагаю, что то были ничто иное какъ медали, выбитыя въ память какого нибудь событія. Собственно же монетную систему можно отнести ко времени порабощенія Россіи Монголами, хотя годъ, за неимѣніемъ данныхъ, опредѣлить довольно трудно.

Замѣна монетою мѣховъ для обращенія, была необходима по многимъ причинамъ: время отъ времени звѣри переводились и ловъ ихъ дѣлался затруднительнымъ; неудобство имѣть при себѣ всегда мѣха для обмѣна товара была вторая причина замѣнить мѣха звонкою монетою, наконецъ, шкурки, переходя изъ рукъ въ руки, терлись, рвались, а потому и теряли свою цѣнность.

Самая древняя монета на Руси была *гривна*, которая равнялась греческому литру, или нынѣшнему фунту. Счетъ гривнами продолжался до XIV вѣка. Гривны въ то время были трехъ родовъ: гривна золота, гривна серебра и гривна кунъ, а потому, при покупкѣ, къ слову гривна, обыкновенно говорили: гривна золота, или гривна серебра, или гривна кунъ.

По времени гривна золота и серебра уменьшилась вѣсомъ до полуфунта. Гривна золота обыкновенно содержала въ себѣ 50 гривенъ кунъ, а гривна серебра $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ. Гривна кунъ равнялась 50 кунамъ

или рѣзанамъ и 20 ногатамъ, такъ что ногата содержала въ себѣ $2\frac{1}{2}$ рѣзаны или куны.

Названіе рѣзаны произошло отъ отрѣзанныхъ лоскутковъ разныхъ мѣховъ, а потому и цѣнность ея въ разное время была различна.

Видя неудобство имѣть монету большой цѣнности, какъ гривна, придумали разрубать ее на части и каждую отрубленную часть назвали *рублемъ*. Герберштейнъ говоритъ что рубль содержалъ двѣ полтины, а полтина сто денегъ. Рубль московскій былъ вдвое менѣе рубля новгородскаго. Счетъ рублями видимъ мы съ 1317 года, но какъ система постоянная, рублевый счетъ начался съ 1409 года: въ этомъ году, говоритъ псковская лѣтопись, *отложиша кунами торговати и начаша торіовати пенязи*. Въ одномъ изъ списковъ псковской лѣтописи сказано: «*того же лѣта* (1423) *Псковичи отложиша пенязи артуги торговати и приставиша мастеровъ деньги ковати въ чистомъ серебрѣ* [37])».

Лѣтописи наши передаютъ намъ названія еще нѣкоторыхъ ходячихъ монетъ, какъ то: *долгія* [38]), не опредѣляя ни ея цѣнности ни вѣсу. Въ описаніи рукописей румянцовскаго музеума, видимъ мы *пуло* [39]), которая была величиною съ копѣйку и сдѣлана изъ красной мѣди. Десять пулъ равнялось одной серебряной деньгѣ.

Мастера, которые дѣлали монету, назывались *денежными мастерами;* надъ ними смотрѣли особен-

ные *вѣсцы*, которыхъ обязанность состояла въ повѣркѣ вѣса. Также за мастерами наблюдали со стороны князя *гости*, избранные изъ добрыхъ людей и *цѣловальники* изъ горожанъ. Обязанность тѣхъ и другихъ состояла въ присмотрѣ чтобы мастера не подмѣшивали въ серебро мѣди и олова. Фальшивыя деньги назывались *воровскими деньгами* и дѣлающій ихъ подвергался большому наказанію. Кошихинъ въ запискахъ о Россіи говоритъ: *на Москвѣ и въ городѣхъ, объявилися въ тѣхъ деньгахъ мѣдныхъ многія воровскія.*

Удивительно, какъ мало дошло до насъ монетъ прежнихъ временъ! причиною этому я полагаю двухсотлѣтнее владычество татаръ надъ Россіею, правительство татарское отбирало русскую монету и перечеканивало ее на свой образецъ. Неотобранныя же деньги, русскіе старались сохранить въ землѣ, что доказывается отыскиваемыми въ настоящее время кладами [40]).

Разсмотримъ теперь нѣкоторыя, дошедшія до насъ монеты, болѣе любопытныя:

1. *Золотая монета* [41]). На одной ея сторонѣ изображеніе Спасителя съ надписью во кругъ: Іисусъ Христосъ; на другой сторонѣ — сидящій Владиміръ съ жезломъ въ правой рукѣ и свѣтильникомъ въ лѣвой и надпись: *Владиміръ, а се его злато.*

2. *Серебряная.* На одной сторонѣ изображенъ сидящій Владиміръ съ посохомъ и съ надписью во кругъ

Владимiръ на столѣ; на другой сторонѣ нѣчто въ родѣ свѣтильника и надпись: *а се его сребро* [42]).

3. *Серебряная монета* [43]). На одной сторонѣ изображена человѣческая голова съ татарскою плетеною косою; на оборотѣ татарская надпись.

4. *Серебряная небольшая монета* [44]) съ изображеніемъ человѣка на конѣ и съ соколомъ. Надпись: *Князь... всея Руси;* а на оборотѣ по татарски написано: *Султанъ Кая Ханъ.*

5. *Серебряная* [45]). Человѣкъ на конѣ съ соколомъ и съ надписью кругомъ: *Князь Петръ Дмитрiевичъ;* на оборотѣ изображеніе стерлось. Вѣроятно эта монета была вычеканена въ удѣлѣ шестаго сына Дмитрія Донскаго [46]).

6. *Три углицкія монеты* [47]); выпущенныя при Князѣ Константинѣ Дмитрiевичѣ около 1432 года. На лицевой сторонѣ изображенъ всадникъ на конѣ съ мечемъ поднятымъ надъ головою, на оборотѣ крылатый грифъ. Подпись на монетахъ слѣдующая: князь Константинъ Дмитрiевичъ.

Изъ этихъ подписей можно заключить, что всякій удѣльный князь дѣлалъ свою монету, съ придуманнымъ имъ изображеніемъ.

Лицевыя изображенія Государей на рубляхъ начались не ранѣе царствованія Петра I. [48]).

МЂРА.

Для измѣренія сыпучихъ тѣлъ у насъ употребляли *кади*, окованныя желѣзными обручами, отъ чего и назывались онѣ иначе *оковами*. Кадь вмѣщала въ себѣ четыре *четки* или нынѣшнихъ четверти. Съ XV столѣтія извѣстной становится осьмина, или осьмая часть кади, подъ названіемъ также *зобницы;* а съ XVI вѣка *четвертка*, т. е. четвертая часть зобницы. Для насыпки кадей употребляли *кобцы*, равнявшіеся нынѣшнему гарнцу.

При Владимірѣ Мономахѣ была мѣра *лукно* и *уборокъ*, первая равнялась четверику, а вторая гарнцу.

Протяженія измѣрялись верстами, саженями, локтями и пядницами.

Первоначальныя версты были въ 1000 сажень, по времени ихъ уменьшили до 700, наконецъ сдѣлали въ 500 сажень. Сажень, или какъ прежде называли *сяжень*, была мѣра въ три аршина; аршинъ, или л окоть, состоялъ изъ четырехъ *пядницъ* или четвертей.

Плоскости измѣрялись *четвертьми* и *десятинами*. Четверть содержала въ себѣ по полудесятинѣ въ каждомъ изъ трехъ полей [49]). Десятина составляла десятую часть квадратной версты (въ 500 сажень) и имѣла прежде 50 сажень длины и столько же ширины.

Изъ межевой инструкціи 1766 года видимъ мы, что въ Новгородѣ была мѣра, называемая *обжа*, или *обежъ*, состоящая изъ 45 десятинъ, т. е. въ каждомъ полѣ по 15 десятинъ. Названіе это произошло вѣроятно отъ глагола, *обжать*, такъ что въ теченіи лѣта одинъ крестьянскій дворъ могъ убрать этотъ участокъ.

Поземельные участки назывались *сохою*, которая составляла: доброй земли 800, средней 1200 а плохой 1800 четвертей въ полѣ.

ВѢСЪ.

Фунтъ пуду долженъ уступить.

Старинная гривна, или гривенка равнялась нынѣшнему фунту. Въ Кіевѣ она состояла изъ 72 золотниковъ, а въ Новгородѣ изъ 96. Другое названіе фунта было *Ансырь*, который первоначально равнялся нынѣшнему полутору фунту; 160 гривенокъ составляли *берковескъ* [50]); а 12 пудовъ — *восчаную четверть*.

Слово *пудъ*, какъ полагаютъ многіе изслѣдователи, было общее названіе вѣса [51]): самая пошлина, собираемая съ гирь, называлась пудомъ, а пристава, собиравшіе пошлину, и смотрѣвшіе за взвѣшиваніемъ товаровъ — назывались *пудовщиками* [52]). Пошлина эта называлась *вѣсчее* или *контарное*, слово, происшедшее отъ *Контари*, т. е. большіе вѣсы или нынѣшнія терези [43]).

Для взвѣшиванія небольшихъ тяжестей употребляли безмѣнъ, который вѣроятно заимствованъ отъ Грековъ, съ того времени, когда мы начали вести съ ними торговыя сношенія.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО.

Не красна изба углами, а красна пирогами.

Постройки предковъ нашихъ были первоначально большею частію деревянныя. Прочность зданія и удобство помѣщенія были первыми условіями приустройствѣ покоевъ.

Дворцы Великихъ Князей были тоже деревянные, хотя и упоминается въ лѣтописи о каменныхъ хоромахъ В. К. Ольги въ половинѣ X вѣка. Они строились изъ толстыхъ бревенъ на высокомъ подшевѣ и раздѣлялись на клѣти или комнаты, изъ которыхъ всякая имѣла свое назначеніе. Пріемная комната называлась *гриднею*, при которой сбоку находилась комната для помѣщенія тѣлохранителей, называвшихся *гридью*. Въ патріаршихъ домахъ пріемная называлась *Крестовою палатою*. Сбочь пріемной была комната, назначаемая для переговоровъ съ иностранными послами и называлась *отвѣтною палатою*. Далѣе на-

ходилась *одрина* для отдохновенія Государя и *сѣнникъ*, какъ брачный чертогъ; на верху строились терема и вышки. Близь Дворца находились мовни, сытные и кормовой дворы. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались скарбницы и медуши.

Внутреннее убранство московскаго дворца, который до 1491 года былъ деревянный [54]), было просто, лучшее его украшеніе составляли св. иконы въ богатыхъ окладахъ. При входахъ, надъ дверями, также было обыкновеніе помѣщать иконы святыхъ. Наконецъ каменныя палаты начали украшаться стѣннымъ или подволочнымъ письмомъ, извѣстныя въ XVI вѣкѣ подъ названіемъ *библейскаго письма*, содержаніемъ котораго были притчи и бытія изъ книгъ св. писанія. Палаты, украшенныя живописью, назывались *надписными;* но если притчи были писаны золотомъ — *золотыми*. Въ брусяныхъ палатахъ, или, какъ тогда называли ихъ просто избами, стѣны обивались сукномъ, по большей части багроваго или зеленаго цвѣта. Полы устилались дорогими коврами.

Дворецъ московскихъ Государей раздѣлялся на палаты; всякая изъ нихъ соотвѣтствовала своему назначенію. Онѣ назывались: *грановитая*, *меньшая золотая* и *средняя золотая;* сбоку послѣдней была *столовая изба*. Напротивъ находились палаты: *сборная* или *панихидная* и *отвѣтная*, которыя раздѣлялись сѣнями. Во Дворцѣ помѣщался также *Приказъ большаго дворца*. Передъ среднею палатой было *крас-*

ное крыльце, на которое Государи имѣли торжественные выходы. Съ краснаго крыльца на площадь вели три лѣстницы, которыя назывались: *золотою*, *среднею* и *благовещенскою*. Вверху были терема для молодыхъ царевенъ. Въ нижнемъ этажѣ Дворца были *подъклеты*, поварни и покои для ключниковъ, стряпчихъ, сытниковъ, истопниковъ, приспѣшниковъ, поваровъ, постельниковъ и прочихъ служителей.

Напротивъ Дворца находился домъ, называемый *Потѣшнымъ дворцомъ*. Отъ сюда, до Боровицкихъ воротъ, находились: Конюшенный дворецъ и житный дворъ. Между Архангельскимъ и Благовещенскимъ соборами былъ казенный дворъ. Казна Государя (мѣха, посуда) сохранялась по большей части въ спояхъ каменныхъ церквей.

Хоромы бояръ обносились со всѣхъ сторонъ высокимъ заборомъ или околицею. Внутреннія покои раздѣлялись на *клѣти*. Парадная комната для пріема гостей была всегда съ большими окнами и называлась *свѣтлицею*, подлѣ нея находилась *столовая изба*, далѣе *божница* или *моленная*, наконецъ *одрины* или спальни; въ верхнемъ этажѣ устраивались терема или *горницы*, получившія свое названіе отъ *горній*, верхній покой. Назначеніе ихъ было для дочерей хозяина. Къ теремамъ пристраивались *башенки-смотрѣльни*. Черезъ сѣни, которыя дѣлались всегда большія, находились *челядни*, *повалуши* и *кухня*. По накату надъ

сѣнями устраивались *вышки* или *терхи*, а внизу подъ сѣнье.

Подъ домомъ находились подклѣти, которыя раздѣлялись на жилыя и глухія. Въ первыхъ помѣщалась прислуга, а во вторыхъ были скарбницы, погреба, гдѣ сберегались бочки съ медомъ, пивомъ, квасомъ и заморскія вины.

Внутреннее украшеніе боярскихъ хоромъ было не затѣйливо: дубовые столы, лавки, покрытыя полавошниками, въ углахъ поставцы съ домашнею посудою и укладки для платья, составляли всю умеблировку покоевъ.

Вокругъ дома строились конюшни, сараи, житницы и мовня.

Изъ старинныхъ купчихъ мы ясно видимъ образъ постройки прежнихъ домовъ. Въ купчей 1654 года читаемъ: «на дворѣ хоромъ изба, да баня съ передбанникомъ, да клѣтъ съ подклѣтомъ, да наподгребница, а около двора и огорода кругомъ городьба въ заборѣхъ [55])». Вотъ описаніе одного строенія въ Новгородѣ: «горница на подклѣтѣ, а противъ нея сѣни, а противъ сѣней клѣть на подклѣтѣ, а посторонь клѣти сѣнница, а городьбы около двора пять пряселъ [56]). Вотъ еще подробное описаніе воеводскаго двора въ городѣ Инсарѣ: «въ городѣ воеводскій дворъ, а въ немъ горница съ комнатою липовыя на подклѣтахъ, да горница бѣлая построена вновь на омшенникѣ. А въ той горницѣ образъ Спаса Нерукотворнаго, окладъ

серебряный позолоченъ, окончина большая въ красномъ окнѣ, двѣ окончины малыя слюдныя, печь изращатая зеленая, заслонъ желѣзный, дверь на крюкакъ желѣзныхъ. Па горницѣ повалуша съ палатями, межь горницы старыя сѣни, на сѣняхъ чердакъ. Мыльня построена вновь. Три клѣти людскія, изба приворотная липовая, поварня и въ ней печь, ледникъ да погребъ, а на нихъ анбары липовые, конюшня новая, два денника, третій навѣсъ, ворота новыя [57])».

Жилища низшаго класса людей состояли изъ избы и клѣти, раздѣленныхъ сѣнями. Изба или истопка всегда была теплая съ печью. Самое названіе избы произошло отъ *истьбы* — истопить. Клѣти были холодныя, куда складывался хозяйскій скарбъ. Избы строились бѣлыя и черныя. Первыя имѣли въ потолкѣ отверстіе съ придѣланною къ нему деревянною трубою, которая называлась *дымницею, дымволокомъ;* черныя были безъ трубъ и дымъ во время топки выходилъ въ окна и дверь. Окна, по этому случаю въ черныхъ избахъ, назывались *волоковыми;* они составляли небольшія отверстія въ стѣнѣ и задвигались доскою. У зажиточныхъ людей прирубались свѣтлицы, съ большими окнами, называвшимися *красными* или *косящатыми;* красились разноцвѣтными красками и украшались рѣзьбою съ наружи.

Свѣтлицы часто бывали съ печами, которыя топились изъ сѣней. Въ сѣняхъ строили чуланы, сверху

вышки, которыя служили для отдохновенія въ лѣтнюю пору. Крыши дѣлались двускатныя съ фронтономъ и шатровыя, епанчею т. е. въ захмылъ; крылись черепицею и соломой. Дома рубились къ крюкъ, или какъ тогда говорили въ *обло* и *сковородникомъ*, то есть скрѣпляли углы въ лапу, въ охряпку.

ЭКИПАЖИ.

. . . . на пушечной запасъ волоковъ, и колесъ,
и саней . . . не даютъ.

Акт. Ист. III. 50.

Экипажи въ старину были не многочисленны и не затѣйливы. Семейные люди ѣздили зимою въ возкахъ, называемыхъ *каптанами* или *таптанами*. Они дѣлались изъ дерева въ родѣ нашихъ троичныхъ возковъ. Полозья у нихъ были длинные, такъ что сзади оставалось довольно мѣста для сундуковъ, въ срединѣ было помѣщеніе на нѣсколько человѣкъ. Малосемейные ѣздили въ небольшихъ повозкахъ, въ родѣ нашихъ кибитокъ, такіе экипажи называли *болоками*. Въ большомъ употребленіи были сани, которыя украшались, особенно во время катанья щегольскими коврами и мѣхами разныхъ звѣрей. Холостые люди предпочитали верховую ѣзду; по свидѣтельству Герберштейна она составляла любимое гулянье нашего женскаго пола въ концѣ XVI вѣка.

Изъ лѣтнихъ экипажей самый замѣчательный былъ рыдванъ, нѣчто въ родѣ нашего тарантаса съ каретнымъ кузовомъ. Бѣдные люди ѣздили въ телѣгахъ, называемыхъ *возилами* и *колами;* для легкой ѣзды въ употребленіи были *волоки*, — тележки на двухъ колесахъ. Вельможи ѣздили въ колымагахъ; а кареты были только при Дворѣ.

Придворныя кареты обивали снаружи сукномъ, а внутри бархатомъ; подушки были парчевыя или бархатныя и вышивались золотомъ. Во время торжественныхъ въѣздовъ кареты эти запрягались въ 12 лошадей. До насъ дошло описаніе кареты, въ которой въѣзжала Марина Мнишекъ въ Москву въ 1606 г.: она была обита снаружи алымъ сукномъ, а внутри краснымъ бархатомъ; подушки были парчевыя унизанныя жемчугомъ. Карета эта была запряжена 12-ю чубарыми лошадьми искусно подобранными.

Образцы старинныхъ придворныхъ каретъ можно видѣть въ московской оружейной палатѣ.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ.

Зипунъ зарбавъ серебрянъ, по немъ деревца шелкъ алъ да лазоревъ, съ золотомъ, подкладка тафта желта, подпушка камка червчата травная безъ пугвицъ».

Изъ описи казны Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Одежда предковъ нашихъ отличалась простотою, князья и простые воины одѣвались почти одинаково. Великій Князь Святославъ, подъ Доростелемъ на свиданіе съ Іоанномъ Цимисхіемъ, приплылъ въ лодкѣ, на немъ была простая бѣлая рубаха и въ ухѣ висѣла золотая серьга.

До насъ дошелъ памятникъ княжеской одежды XI вѣка, это рисунокъ собственноручно писанный Іоанномъ дьякомъ въ 1073 году. На рисункѣ изображенъ черниговскій Князь Святославъ съ семействомъ. Вотъ описаніе этого любопытнаго рисунка: все княжеское семейство представлено въ ростъ. Олегъ въ высокой синей шапкѣ, на подобіе колпака, съ палевой опушкою; на шеѣ золотой парчи платокъ, съ развѣвающимися концами на груди; кафтанъ багряный, обложенъ алою бахрамой, подпоясанъ золотымъ поясомъ

и въ желтыхъ сапогахъ. Давидъ и Романъ одѣты одинаково только въ алыхъ кафтанахъ. Княгиня въ синей высокой шапкѣ, съ алымъ покрываломъ; платье красное съ золотою бахрамой, подпоясано золотымъ поясомъ, на рукавѣ золотое ожерелье, башмаки малиновые, крытые золотомъ. Она держитъ за руку Ярослава, который представленъ въ багряномъ кафтанѣ, съ золотой бахрамою, подпоясанъ золотымъ кушакомъ съ бантомъ, сапоги красные. Князь Святославъ съ усами и бородой, въ круглой низенькой, желтаго цвѣта шапкѣ, съ красной опушкою и въ синихъ сапогахъ, кафтанъ синій съ красною бахрамой, по верхъ кафтана золотая княжеская мантія. Только одежда Глѣба на рисункѣ изглажена временемъ.

Частыя сношенія съ Византіею были причиною тому, что Русскіе Князья и бояре переняли одежду отъ Грековъ, а послѣ владычества Татаръ надъ Россіею перешли къ намъ нѣкоторые татарскіе костюмы.

Длинная одежда великокняжеская, похожая покроемъ на плащь называлась *корзнемъ*, *кочемъ*, или *коцемъ* отъ польскаго *Кос* — *amphimallum*, опушивалась мѣхомъ и застегивалась у шеи запоною. В. К. Іоаннъ Калита отказалъ въ завѣщаніи сыну своему Симеону *Кочь съ бармами*.

Употребительнѣйшій костюмъ, который носили Великіе Князья и бояре была *Ферязь* — длинная комнатная одежда безъ перехвата и воротника съ длинными рукавами, часто разрѣзными и закинутыми назадъ; ее

надѣвали на зипунъ, онѣ были теплыя и холодныя. Ферязъ съ порехватомъ и петлями спереди называлась *терликомъ*, котораго полы обшивались серебрянымъ и золотымъ гасомъ; рукава терлика были короче рукавовъ ферязи. Шились они изъ тафты, камки, золотаго бархату, атласу, объяри и свѣтлаго сукна.

Придворные надѣвали терлики, шитые изъ дорогой золотой матеріи, во время пріема пословъ и при торжественныхъ выходахъ Государей.

Также извѣстны намъ старинныя одежды: *охабень*, который шился съ откиднымъ четвероугольнымъ воротникомъ [58]) и *однорядка* — суконный плащь съ длинными рукавами безъ воротника; шились они изъ каразеи, сукна или другой шерстяной матеріи.

Но изъ самыхъ щегольскихъ нарядовъ былъ кафтанъ, онъ шился довольно узко и доходилъ до коленъ, воротникъ дѣлался стоячимъ и назывался *козыремъ*, который убирался золотомъ и дорогими каменьями; а люди недостаточные шили его изъ бархата и парчи. Въ зимнее время къ козырю пришивали ожерелокъ, т. е. мѣховой воротникъ. Лѣтніе кафтаны дѣлались изъ атласу или другой шелковой матеріи съ петлями на груди и застегивались пуговицами. Зимній кафтанъ, подбитый мѣхомъ назывался *кожухомъ*. Съ обыкновенымъ кафтаномъ не должно смѣшивать *турскаго кафтана*, который шился длиннѣе и былъ безъ воротника и петель.

Становымъ кафтаномъ называлась одежда, въ которую облекались Цари при поставленіи на царство; шился онъ съ просторными рукавами, съ перехватомъ у таліи и со сборками; подпоясывали ихъ дорогими кушаками, вышитыми золотомъ и серебромъ. Кафтаны эти надѣвались при полномъ нарядѣ большой казны; по кропильнымъ книгамъ кройка становаго кафтана — слѣдующая: «апрѣля въ 10 день (1666) скроенъ ему великому государю кафтанъ становой объярь серебряна травы золоты съ шелки розныхъ цвѣтовъ; въ длину по передамъ 2 арш. 3 верш., позади 2 арш. полтретья вершка, въ плечахъ ширина 1 арш. безъ полвершка; рукавамъ длина отъ стану 1 арш. 5 верш., въ запястьѣ 3 верш., въ подолѣ ширина 5 аршинъ». Поверхъ становаго кафтана надѣвалось *платно*; это было ничто иное какъ порфира. Платно шилось изъ пунцово-золотаго атласа и подбивалось горностаемъ. Называлось также *багромъ* или *багряницею*. Платны, какъ и прочія одежды большой казны, раздѣлялись на наряды, которыхъ было до осьми.

Одѣяніе похожее на плащь, съ висячими рукавами называлось опашнемъ. Надѣвали его сверхъ кафтана и шили изъ лѣтней матеріи.

Въ собраніи государственныхъ грамотъ упоминается о *бугаѣ*, *портищѣ* и *ментенѣ*. Бугай имѣлъ наплечники, усаженные дорогими каменьями и подбивался мѣхомъ; въ духовной Іоанна Даниловича Калиты ска-

зано: «Андрею сыну моему бугай соболій съ наплечьки съ великимъ жемчугомъ съ каменьемъ». Портище шилось съ бармами и надѣвалось на плечи; а ментеня была одежда въ родѣ эпанчи, шилась изъ атласа, бархата, иногда на мѣху; называлась также *шатою*.

Довольно красивый нарядъ былъ *чюга*. Это былъ узкій кафтанъ съ рукавами по локоть, перепоясывался тесьмою, а спереди застегивался пуговицами; но чюга, къ которой придѣлывался высокій стоячій воротникъ, называлась *тегиляемъ*.

Въ ненастную погоду надѣвали *кобенякъ*, который всегда шили изъ сукна, костюмъ этотъ заимствованъ былъ отъ поляковъ.

Особенно роскошно одѣвались придворные: они не щадили издержекъ, шили платье изъ дорогой парчи, аксамиту и шелковыхъ матерій, вышитыхъ золотомъ и серебромъ.

Золотая обшива на платьи называлась *круживомъ* или *кружиломъ*. Не послѣднее также украшеніе въ нарядѣ составляли пояса, на которые навѣшивали разныя металическія накладки, производившія звукъ при малѣйшемъ движеніи, почему и назывались *звѣнцами*.

Придворную прислугу одѣвали въ *приволоки;* это было нѣчто въ родѣ ливреи и надѣвалась сверхъ чугъ, шились длинныя до земли и съ короткими, но широкими рукавами.

Сапоги носили сафьянные, вышивали ихъ золотомъ

и серебромъ, подкладывали серебряныя подковки. Шапки дѣлали изъ собольяго и лисьяго мѣху. Высокія шапки, конической формы, назывались *столбунами;* верхъ шапки дѣлали изъ парчи или алаго сукна. Шапки не такъ высокія и съ плоскою тульею, съ которой спадала кисть, украшенная жемчужными нитками, назывались *мурманками.* Сбоку шапки нашивали петлю, которую украшали дорогимъ камнемъ.

Бѣдные люди вмѣсто дорогаго мѣха употребляли на шапки мѣха горлатные, т. е. выдѣланные изъ звѣриныхъ шеекъ.

Одежда женская, въ старину, была едва ли не красивѣе нынѣшней, изуродованной европейскою фантазіею.

Самый употребительнѣйшій костюмъ былъ сарафанъ. Богатые шили ихъ изъ бархату, парчи и штофа; спереди пришивали дорогія пуговицы до самаго подола, который вышивался жемчугомъ, или волоченымъ золотомъ. На сарафанъ надѣвали поясъ, украшенный жемчугомъ, топазами и золотомъ; спереди застегивали его запоною, отъ которой висѣла кисть.

Люди бѣдные шили сарафаны изъ бязи, крашепой холстины и киндяка.

Душегрѣи и *тѣлогрѣи* замѣняли нынѣшнія мантиліи и бурнусы. Душегрѣи шились короткія, по поясъ, съ разрѣзомъ спереди и широкими рукавами изъ двоеморху, зарбаву и аксамита; обшивали ихъ соболемъ, веверицею и черной куницею. Тѣлогрѣи ши-

лись длиннѣе душегрѣй, съ пуговицами на переди и съ откиднымъ мѣховымъ воротникомъ.

Лѣтомъ носили лѣтники и роспашницы, сверху накидывали опашни кармазиннаго цвѣта [59]), который былъ любимый; шились они съ длинными до земли рукавами, изъ легкой шелковой матеріи и отдѣлывались вокругъ подола бахрамою. Опашни составляли также одежду царицъ: въ описи казны царицы Евдокіи Лукьяновны видимъ: «опашень скорлатъ червчатъ, кружево и петли низано жемчугомъ съ каменьемъ, съ яхонты и съ изумруды и съ лалы и т. д». Подбой подъ лѣтнею одеждою назывался *вошвою*.

Въ зимнее время боярыни носили шубы изъ куньихъ, собольихъ и другихъ дорогихъ мѣховъ; воротникъ завязывали золотыми шнурами, на концахъ которыхъ висѣли такія же кисти. Шубы крылись штофомъ и атласомъ.

Въ числѣ одеждъ царицъ упоминается въ описи казны царицы Евдокіи Лукьяновны: «кортель горностайной, нагольной, опушень пухомъ черным». Настоящій покрой этого наряда намъ неизвѣстенъ.

Вседневную одежду женскаго пола составляли кожухи или короткія шубки. Во время порабощенія Россіи татарами вошли въ употребленіе татарскія шубки, называемыя *бостроками*.

Дородность и розовый цвѣтъ лица составляли необходимыя условія, чтобы прослыть въ старину красавицею, а потому, худощавыя женщины, чтобы

казаться полными, надѣвали подъ низъ *юпы*, щеки натирали румянами и сурьмили брови. Мужья въ непремѣнную обязанность поставляли въ числѣ гостинцевъ привозить женамъ румяны и бѣлилы.

Шею украшали монистами и ожерельемъ, пальцы кольцами и перстнями, въ уши вкладывали серьги. Давность этихъ украшеній скрывается въ глубокой древности.

Дамскій головной нарядъ совершенно отличался отъ нынѣшняго: кики разныхъ фасоновъ, унизанныя жемчугомъ и дорогими каменьями: составляли очень красивый головной уборъ; вотъ описаніе кики Царицы Евдокіи Лукьяновны: «кика атласъ червчатъ, на немъ запоны золоты съ каменьемъ съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды, а поднизи зерна гурмицкіе на золотыхъ спняхъ, назади бархатъ черной».

Дѣвушки носили кокошники, сдѣланные изъ парчи и бархату, изъ подъ кокошника ниспадала длинная русая коса, которая составляла лучшее украшеніе дѣвицы. Къ концу косы вплеталась шелковая лента алаго цвѣта, къ которой привѣшивался тріугольникъ, сдѣланный изъ толстой бумаги и назывался *косикомъ*. Косики эти вышивали шелками и жемчугомъ. Богатые вплетали въ косы золотыя и жемчужныя нитки. За просто головы повязывали широкою лентою, оставляя верьхъ открытымъ.

Обувь состояла изъ *чеботъ*, которые были ничто иное какъ нынѣшніе башмаки, шили ихъ изъ цвѣт-

наго сафьяну и подкладывали серебряныя подковки. Чеботы царскіе унизывались по червчатому бархату жемчугомъ и дорогими каменьями или по бѣлому сафьяну вышивались золотомъ.

Одежда простонародья мало чѣмъ отличалась отъ нынѣшней; кики и поневы извѣстны съ незапамятныхъ временъ; для обуви люди достаточные употреблями сапоги, а бѣдные лапти. Женщины обували также ноги въ *поршни;* это было ничто иное какъ отрѣзанный лоскутъ кожи, который стягивали по краямъ ремнями.

Въ посты надѣвали платье шитое изъ черной матеріи, такая одежда называлась смирнымъ платьемъ.

Такъ щеголяли наши прабабушки, платье шилось просторное, надѣвалось безъ корсета, отъ чего никто не страдалъ грудными болезнями.

Здѣсь опишу матеріи, изъ которыхъ шились платья какъ мужскія такъ и женскія.

Аксамитъ была плотная ткань по золотой землѣ золотомъ и серебромъ шитая.

Алтабасъ — ткань по серебряной или шелковой землѣ. Названіе этой матеріи происходитъ отъ арабскаго слова *ел-дыбачь*.

Байберекъ была шелковая ткань съ золотыми и серебряными узорами, а также и гладкая разныхъ цвѣтовъ.

Зеньдень — шелковая ткань, вѣроятно недорогая: по описи 1640 года стоилъ аршинъ этой матеріи 20 алтынъ.

Камка — шелковая цвѣтная матерія, вывезенная изъ Турціи или изъ Персіи, потому что она на этихъ языкахъ называется *кемка*. Извѣстныя камки были: кизильбашскія (персидскія), китайскія, нѣмецкія, чешуйчатыя и камка куфтерь.

Атласъ. Были нѣсколькихъ сортовъ: венпцейскіе травные, китайскіе, кизильбашскіе, амстердамскіе и нѣмецкіе; но лучшіе атласы были венпцейскіе золотные: «*по серебряной земли травы и разводы золоты и въ разводахъ орлы двоеглавые*».

Бархатъ. Извѣстные у насъ были: турскіе, калмыцкіе золотные, венпцейскіе гладкіе, двуличневые, китайскіе, косматые и рытые. Бархаты разрѣзные назывались *двоеморхами*. Вышивались они золотомъ и серебромъ. Бумажный бархатъ назывался *бархателью* и продавался въ 1640 году по 10 алтынъ аршинъ.

Даба была бумажная матерія.

Бязь — бумажный холстъ.

Кутня — бухарская полушелковая матерія.

Объярь — шелковая тонкая ткань; дѣлалась травчатая и струйчатая.

Киндякъ — толстая ткань, въ родѣ набойки.

Пестрядь — холстина, тканая изъ разноцвѣтныхъ нитокъ.

Сукно. Названія суконъ были: кармазиновыя, скорлатъ, лундышъ, перпіянъ, настрафилъ, чецское, шебединское и англинскоѐ.

Зарбатъ, *изарбатъ* или *зарбафъ*, такъ называлась золотая ткань, отъ персидкаго: *зербафтъ*, по татарски *сербабъ*, тоже самое что нынѣшняя парча. Собственно же парчею въ старину называлась шелковая полосатая ткань, по ней полосы были золотыя и серебряныя. Кромѣ шелковыхъ парчей были и шерстяныя.

Коноватъ была недорогая шелковая матерія.

Узоры на тканяхъ назывались *клинцами* и *рѣками*, а волоченое золото и серебро — *сканьею*, выпуклое шитье шелками и бумагой — *строками*.

Употребительнѣйшія цвѣта суконъ и матерій были: алый, бѣлый, багровый, брусничный, вишневый, голубой, желтый, желтый травный, зеленый, коричный, червчатый, таусинный (тамно фіолетовый), темнобагровый.

ОБРЯДЫ.

СВАДЬБЫ.

—

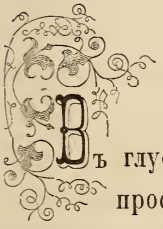
РОДИНЫ И КРЕСТИНЫ.

—

ПОХОРОНЫ И ПОМИНКИ.

СВАДЬБЫ.

—



Въ глубокой древности, когда Россія не была просвѣщена христіанскою вѣрою, было обыкновеніе увозить невѣстъ, что тогда называлось *умыкою*. Роды и семьи жили отдѣльно и были между собою во враждебныхъ отношеніяхъ, не имѣя никакихъ сношеній. Это было причиною, что невѣстъ воровали. Самое названіе *невѣсты* показываетъ что ее брали незнаемую, невѣдомую. Есть и теперь въ числѣ игръ нашего простонародья одинъ хороводъ, сопровождаемый пѣснею: «а мы просо сѣяли», который намѣкаетъ на похищеніе дѣвушекъ. Увозъ невѣсты изъ рода или семьи влекъ за собою погоню; съ похитителями завязывалась драка, часто кончавшаяся убійствомъ.

Мало по малу роды и семьи, связавшись между собою родствомъ черезъ женитьбу — составили міръ,

общину. Когда уже не стало необходимости увозить невѣстъ изъ незнаемаго рода, прибѣгнули къ купли и платили за дѣвицу *вѣно*, то есть условленную плату. Нынѣшніе обряды на свадьбахъ, составляющіе одинъ церемоніалъ, были въ старину необходимымъ дѣйствіемъ. Избирались всегда такіе люди, сваты [60]), которые пріѣхавши въ домъ указанной дѣвушки, *рядились*, договаривались съ отцомъ и матерью и покупали невѣсту, отъ сюда невѣста получила названіе *ряженая*. Отецъ и мать прибѣгали за совѣтами къ своимъ родственникамъ, съ которыми *судили*, отъ чего невѣста названа — *суженой*. Порѣшивши дѣло въ своей семьѣ, говорили свату сколько могутъ взять за свою дочь. Купецъ (сватъ) и продавцы (отецъ, мать или родственники) били *объ руку;* вотъ начало *обрученія*. Обручать же молодыхъ кольцами есть обычай заимствованный отъ Грековъ, уже по введеніи христіанства.

Купленная въ замужество дѣвушка не всегда бывала счастлива: мужъ былъ полнымъ властелиномъ своей жены и случалось часто разводился съ нею безъ всякой причины; несчастная оставалась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Чтобы обезпечить на будущее время жизнь выдаваемой за мужъ дочери, вошло въ обычай давать приданое, которое называлось *прикрутою*. Обычай давать приданое былъ современемъ праву развода.

Обрядъ опахиванія былъ необходимымъ условіемъ

въ старину: народъ вѣровалъ въ силу нечистаго, который портилъ молодыхъ, а чтобы отклонить эту напасть — язычники *опахивали* и *обсѣвали* владѣнія ихъ, для того, чтобы нечистая сила и колдовство не могли прикоснутся.

Нынѣшнія обычныя при свадьбахъ пѣсни, во времена языческія служили религіознымъ обрядомъ, а потому, и въ наше время, простой народъ считаетъ за грѣхъ не *во́ время* пѣть пѣсни и плясать; въ старину для этого были дни особенно назначенные. Плачь невѣсты указываетъ прямо, часто на вѣчную разлуку съ ея родными.

Молодыхъ, какъ и теперь, называли *князь* и *княгиня*. Это произошло отъ прежняго обыкновенія отдавать начальнику князю на первую ночь, послѣ бракосочетанія, молодую. Обычай этотъ уничтоженъ былъ Великою Княгинею Ольгою, которая вмѣсто этого гнуснаго обыкновенія, повѣлѣла брать съ молодыхъ по черной кунницѣ. Отсюда вошло въ обыкновеніе дѣлать подарки послѣ свадьбы роднымъ, знакомымъ и начальникамъ. На другой день свадьбы пировали на счетъ жениха, отъ чего пиръ названъ *княжимъ пиромъ*, тогда какъ наканунѣ свадьбы угощенія были отъ невѣсты — дѣвицы, отъ чего вечеръ этого дня, называли *дѣвичникомъ*.

Молодая обязана была всегда разувать мужа передъ тѣмъ, когда наставало время имъ идти спать; обычай этотъ весьма древній: «*не хочу разути рабыница*»

сказала Рогнеда, когда Великій Князь Владиміръ Святославичъ изъявилъ желаніе на ней жениться; извѣстно что Владиміръ рожденъ былъ отъ Малуши, которая была ключницей у Вел. Княг. Ольги. Обычай разувать продолжался долго на Руси; объ немъ упоминаютъ иностранцы: Герберштейнъ въ началѣ XVI вѣка и Олеарій въ XVII вѣкѣ, въ бытность ихъ въ Москвѣ. Во время разуванья молодой билъ жену свою слегка плеткою по плечамъ, обычай этотъ означалъ символъ власти переходящей отъ отца къ мужу. Англійскій посланникъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVI вѣка, разсказываетъ что было обыкновеніе, въ числѣ разныхъ подарковъ, которые лѣлалъ женихъ своей невѣстѣ, посылать ей плетку.

Браки часто заключались безъ вѣдома жениха, которому показывали невѣсту послѣ сговора, иногда даже въ самый день свадьбы. Обыкновеніе это было уничтожено Петромъ I въ 1700 году.

Послѣ вѣнца молодыхъ клали спать въ холодной комнатѣ; постель слали изъ ржаныхъ сноповъ, которые покрывали коврами, а бѣдные люди холстомъ. Вокругъ опочивальни дружко ѣздилъ всю ночь верхомъ, съ обнаженою саблею.

На другой день молодыхъ водили въ мыльню и кормили кашею.

Суевѣрія и предразсудки, какъ въ настоящее время такъ и въ старину, играли важную роль: по этой причинѣ на всякую свадьбу были приглашаемы такіе

вѣдуны, которые могли отклонить всякое чародѣйство. Каждый знахарь, желая выказать свои познанія, употреблялъ разные шарлатанскіе пріемы. Нѣкоторые изъ нихъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, обратились въ непременное и необходимое дѣйствіе.

Подробнаго описанія старинныхъ свадьбъ бояръ и простолюдиновъ до насъ не дошло; но мы имѣемъ любопытныя извѣстія о свадьбахъ великокняжескихъ и царскихъ.

Чины на свадьбахъ Государей были слѣдующіе:

Тысяцкой — самое почетное лице на свадьбѣ: въ эту должность всегда назначался кто-нибудь изъ ближнихъ родственниковъ жениха. У царя Іоанна Васильевича тысяцкимъ на первой свадьбѣ былъ князь Андрей Васильевичъ. Обязанность тысяцкаго была находиться при женихѣ безотлучно.

Тысяцкаго жена. Должность ея была одинакова съ тысяцкимъ, только она находилась при невѣстѣ.

Посаженый отецъ и посаженая мать. Замѣняли на свадьбахъ мѣста отца и матери новобрачныхъ.

Дружки. Были старшіе и младшіе. Должность первыхъ состояла въ разрѣзываніи *перепечи* [61]) и сыра, а младшіе разносили ихъ Царю и боярамъ; старшіе говорили рѣчи. Въ помощь дружкамъ давались дѣти боярскіе.

Свахи — расчесывали голову невѣсты.

Бояре и боярыни сидячіе назначались болѣе для

почета и сидѣли во время столованья около молодыхъ [62]).

Конюшій — подводилъ аргамака къ красному крыльцу и при выходѣ Государя предоставлялъ ему коня; во время вѣнчанія стерегъ его. Ночью ѣздилъ на государевомъ конѣ вокругъ сѣнника съ обнаженнымъ мечемъ.

Ясельничій — подвозилъ къ красному крыльцу сани, на которыхъ ѣхала невѣста въ церковь. Во время вѣнчанія стерегъ сани, а, сопровождавшіе его дѣти боярскіе стерегли путь между саньми и аргамакомъ, чтобы никто его не перешелъ.

Свѣчники. Обязанность ихъ была нести свѣчи женихову и невѣстину.

Фонарьщики — несли передъ поѣздомъ въ фонаряхъ зазженныя свѣчи.

Въ эти двѣ должности назначались дѣти боярскіе.

Коровайники — несли на носилкахъ передъ поѣздомъ коровай; избирались они также изъ дѣтей боярскихъ. Во время торжества давалось имъ особенное платье отпускаемое изъ казны.

Мовные. Эту должность исправляли люди приближенные къ Государю: они находились при мытьѣ Государя въ банѣ, мыли и одѣвали Его.

Было еще много должностей при церемоніалѣ вѣнчанія, какъ то: держальщики съ ковромъ, подножіемъ, скамейкою и съ зголовьемъ; держальщики осыпала, чары съ медомъ, гребня, трехъ сорока соболей, кики, колпака, ширинки и проч.

Для свадебнаго наряда приготовлялись съ особенными обрядами: осыпала, свѣчи, фонари, кики съ убрусомъ и фатою, ширинки; короваи, каша, перечени и куря верченое.

На свадьбѣ царя Алексія Михаиловича были свѣчи: женихова въ три пуда, а невѣстина въ два пуда; на свѣчахъ были обручи чеканные и края золоченые. Горшекъ съ кашею обертывали соболями.

Передъ церемоніаломъ вѣнчанія нарядъ дѣлали дьяки, а росписи, кому исполнять какую обязанность представляли Государю; они убирали также среднюю палату, брусяную избу, грановитую палату, чертожное мѣсто, столы и скамьи.

Въ грановитой палатѣ, средней палатѣ и въ брусяной избѣ устанавливали столы и скамейки, покрывали ихъ скатертями и полавошниками разныхъ нарядовъ. На столы ставили перепечу, сыръ и солонницу съ солью, а на нѣкоторыхъ свадьбахъ клали еще калачи.

Убранство опочивальни, при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексіѣ Михаиловичѣ, сѣнникъ былъ убранъ такъ: постельники готовили постель изъ тридевяти ржаныхъ сноповъ, сверхъ которыхъ положили семь перинъ и бумажниковъ, на перины положили столовы бархатныя, камчатныя и атласныя; все это покрыли одѣяломъ. Въ головахъ у постели поставили кадь со пшеницею [63]), куда вкладывали свѣчи, принесенныя отъ вѣнца. Когда сѣнникъ былъ готовъ они сдали его на

руки особеннымъ оберегателямъ, которые спали въ комнатѣ, находящейся сбоку сѣнника.

По окончаніи всѣхъ приготовленій и уряженіи всѣхъ людей по свадебному чиноположенію, извѣщали Государя что *приспѣло время исполнить великую радость*.

Передъ вѣнчаніемъ великіе князья выходили въ брусяную избу, а цари въ среднюю золотую палату, садились на чертожное мѣсто и посылали старшаго дружку за невѣстою, сказать чтобы она *шла на мѣсто*.

Съ большимъ парадомъ шла невѣста къ жениху своему въ сопровожденіи думныхъ бояръ, стряпчихъ, посаженой матери, окольничихъ и дьяковъ. Впереди несли зазженыя свѣчи, — священникъ кропилъ путь святою водою. Большія свахи вели невѣсту подъ руки, сзади боярыни несли на блюдахъ убрусцы и ширинки.

Старшая сваха чесала голову невѣсты гребнемъ, обмакнутымъ въ сытую воду, надѣвала кику съ фатой, потомъ осыпала жениха и невѣсту хмѣлемъ и опахивала сорока соболями. Свѣчи зажигались богоявленскою свѣчею.

Государь ѣхалъ въ Успенскій соборъ верхомъ, сопровождаемый боярами, окольничими, стольниками, дьяками и прочими чинами, назначенными по наряду. Государыня ѣхала въ саняхъ съ большею свахою и женою тысяцкаго.

Сани были обиты атласомъ, вышитымъ золотомъ. Путь до собора оберегали боярскіе дѣти, недопуская

никого переходить черезъ него. Свѣчи и короваи ставили около клироса.

Вѣнчаніе совершалось по чину церковному.

Поѣздъ отъ вѣнца происходилъ въ томъ-же порядкѣ. Пріѣхавши отъ вѣнца начиналось столованье въ брусяной избѣ; первые чины садились за большимъ, а вторые за окольнымъ или кривымъ столомъ. На столы ставили яства и вины фряжскія. Прежде всего подавали куря верченое, которое ставили передъ новобрачными. Большой дружка обертывалъ его скатертью и вмѣстѣ съ солонкою [64]) относилъ его въ сѣнникъ.

По окончаніи столованья молодыхъ отводили въ опочивальню и начинался обрядъ *выдаванія молодой*. Одинъ изъ старшихъ бояръ говорилъ рѣчь новобрачнымъ, послѣ чего, взявши молодаго князя за руку, отдавалъ ему княгиню. Углицкому князю Юрію Васильевичу выдавалъ молодую Царь Іоаннъ Васильевичъ; на второй свадьбѣ Михаила Ѳеодоровича выдавалъ молодую Иванъ Никитичъ Романовъ.

У самаго сѣнника встрѣчала молодыхъ посаженая мать въ собольей шубѣ надѣтой на выворотъ и осыпала ихъ хмѣлемъ.

Спустя нѣкоторое время начиналось кормленіе молодыхъ въ сѣнникѣ. Имъ приносили все лучшее, что могла только приготовить тогдашняя гастрономія.

На другой день молодыхъ вели въ мовню, послѣ чего снова отводили ихъ въ сѣнникъ, куда приходили

ихъ поздравлять большіе чины, а потомъ молодыхъ кормили кашею.

Послѣ поздравленій молодые ѣздили по монастырямъ и церквамъ московскимъ. По возвращеніи начиналось княжое столованье въ грановитой палатѣ.

Раздачею милостыни оканчивались всѣ свадебныя торжества.

На боярскихъ свадьбахъ старались всегда подражать церемоніалу великокняжескому. Весь ходъ старинныхъ свадьбъ можно раздѣлить: на смотрины невѣсты, сговоръ, выдачу приданаго жениху по записи, вѣнчаніе, столованіе, баню и княжой пиръ.

Когда гости собирались на другой день боярской свадьбы къ обѣду, — молодой съ поѣздомъ отправлялся къ Государю ударить ему челомъ, а молодая посылала къ Государынѣ дары, состоящіе обыкновенно изъ убрусовъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ. На свадебныхъ весельяхъ играла музыка, состоящая изъ сурнъ, бубенъ, фіолей и тазовъ.

Свадьбы простолюдиновъ мало чѣмъ отличались отъ нынѣшнихъ свадебныхъ обрядовъ и были разнообразны по мѣстности, какъ и въ настоящее время.

РОДИНЫ И КРЕСТИНЫ.

Изъ временъ давноминувшихъ дошли до насъ многіе обряды, совершаемые при родинахъ и крестинахъ младенцевъ. Первыми помошницами при родахъ были бабки, которыя водили родильницу передъ началомъ потуговъ въ баню, принимали ребенка, повивали его и ходили за больною матерью до ея выздоровленія. Бабки извѣстны были въ Россіи еще въ X вѣкѣ. По освобожденіи родильницы отъ бремени, посылали за священникомъ, который давалъ молитву новорожденному.

До принятія христіанства имена новорожденнымъ давались при постриженіи волосъ, на седьмомъ году; имена заимствовали большею частію отъ какихъ-нибудь случаевъ, первыхъ попавшихся на глаза предметовъ, или словъ, сложенныхъ съ *славою*, на пр. Свя-

тославъ (sancta gloria — слава святаго), Болеславъ auctor gloriae — виновникъ славы), Владиславъ (dominator gloriæ — владыка славы), Остромыслъ, Претичъ, Буревой; давались также имена варяжскія: Олегъ, Игорь, Улебъ, Свенельдъ, Рурикъ. Женскія имена были: Подражислава (imitatrix gloriæ), Сбыслава (eventus gloriæ), Богомила, Людмила, Краспня, Добрадуша и проч. По принятіи христіанства стали давать имена греческія и римскія, переведенныя на русскій языкъ.

Немедлено, послѣ того какъ священникъ давалъ молитву новорожденному, родители посылали извѣщать родственниковъ и близкихъ знакомыхъ о радостномъ событіи. Извѣщенные являлись съ хлѣбомъ и солью, а часто и съ разными подарками.

Этому обычаю слѣдовали не только бояре но и Цари. Когда дѣлалось извѣстнымъ, что родила царица по церквамъ и монастырямъ служили молебны, раздавали милостыню неимущимъ и освобождали изъ тюремъ неважныхъ преступниковъ. Такъ въ 1674 году 4-го сентября, по случаю рожденія царевны Ѳеодосіи Алексѣевны, царь Алексій Михайловичъ указалъ приказнымъ всякихъ чиновъ людямъ: «а которые колодники во всѣхъ приказахъ не въ большихъ винахъ сидятъ и въ правежахъ не въ большихъ, и тѣхъ колодниковъ дляСвоей всемірной радости освободить» [65]).

Къ патріарху съ радостною вѣстію ходилъ ближній боярпнъ, къ боярамъ и окольничимъ — царскій по-

стельничій, къ думнымъ людямъ — дьякъ. По городамъ разсылали стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и дѣтей боярскихъ, къ воеводамъ съ царскими грамотами и къ духовенству съ богомольными; въ грамотахъ этихъ прописывалось: „ въ нынѣшнемъ (такомъ то) году (мѣсяцъ и день), за молитвъ святыхъ отецъ, Богъ простилъ царицу нашу (имрекъ), а родила намъ сына (имрекъ), а именины (такого то числа).

Духовенство служило благодарственные молебны, а воеводы одаривали посланныхъ подарками и деньгами. Боярскому сыну Ѳедору Шилову подарила жена боярина Ивана Петровича Пронскаго, дороги бруснично цвѣтъ яшскіе, киндякъ лимонной узкой, сафьянъ красной, денегъ 20 рублевъ; истопничій Артемій Шухартовъ получилъ въ подарокъ отъ жены боярина Никиты Ивановича Одоевскаго: четыре аршина объяри червчатой, рубашку миткаленную шиту золотомъ съ порты. Стаканъ серебрянъ вѣсомъ 30 золотниковъ.

При родахъ сохранилось у насъ много суевѣрныхъ обрядовъ и повѣрій: когда родильница мучилась, то старались скрывать отъ всѣхъ ея муки въ полной увѣренности что чрезъ то ей будетъ легче; долго скрывали имя младенца, данное при крещеніи, во избѣжаніе чтобы чародѣи, не причинили ему какого зла; на шнуркѣ, на которомъ виситъ крестъ, вѣшали мошонку съ ладаномъ, вѣря что чрезъ это къ младенцу не пристанетъ никакое колдовство и уроченье; ладонки

эти носили до самой смерти, по славянски назывались *наузы* или вязла. О нихъ упоминается въ уставѣ В. К. Владиміра I.

Было обыкновеніе въ старину давать имя младенцу того святаго, который случится на восьмой день послѣ рожденія. Въ воспріемники приглашаемы были по большей части близкіе родственники. Крещеніе царей совершалось въ Чудовомъ монастырѣ, рѣдко въ Успенскомъ соборѣ; воспріемниками у нихъ бывали царевичи и царевны; часто въ воспріемники брали Троицы Сергіева монастыря старца келаря: царя Алексія Михаиловича крестилъ келарь упомянутаго монастыря Александръ Булатниковъ. По освященному обычаю истиннымъ воспріемникомъ царственныхъ младенцевъ отъ купели былъ Святитель Алексій. На его лоно полагались они. Въ 1629 году крещенъ былъ здѣсь Алексій Михаиловичъ, въ 1672 году — Петръ Великій, въ 1818 — Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, котораго передавала святителю бабка Его Императрица Марія Ѳеодоровна.

Новорожденнаго царевича везли въ Чудовъ монастырь въ каптанѣ и сопровождали его бояре и боярыни, а придворный священникъ кропилъ путь святою водой. По окончаніи таинства Государь одарилъ духовенство деньгами: патріарху 1500 золотыхъ, митрополитамъ по 300, архіепископамъ по 200, епископамъ по 100, архимандриту Чудова монастыря 80; прото-

попу благовѣщенскому, который изстари бывалъ царскимъ духовникомъ 100 р. протодьякону 40 и ключарямъ по 30 р.

Въ самый день крестинъ, или спустя нѣсколько дней, давали при Дворѣ обѣдъ, называемый *чиновный крестинный столъ*.

Новорожденному, всѣ приходящіи съ поздравленіемъ, приносили дары, которые назывались *приносами, поклонами, почестями*. Подобные приносы бываютъ у насъ объ рождествѣ и на масляницѣ; въ первомъ случаѣ называются они *славленными*, а во второмъ — *прощенными*. Приносы на родины въ простонародьи называются *на зубокъ*.

Приносы новорожденному царевичу состояли обыкновенно изъ серебрянаго кубка, изъ портища золотаго бархата, атласа или объяри и по сороку соболей. Патріархъ, духовныя власти, ближніе бояре и боярыни благословляли новорожденнаго, каждый, окладнымъ образомъ или золотымъ крестомъ съ Св. Мощами. Новорожденной царевнѣ Ѳеодосіи, жена боярина князя Ѳеодора Юрьевича Хворостинина, Елена Борисовна, поднесла: крестъ золотъ съ мощами, кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, атласъ золотой по серебряно землѣ; сорокъ соболей.

Царица, принимая дары въ золотой палатѣ, жаловала приносившихъ *зваромъ*, *коврижками* и *романеею* [66]).

Крестинные столы давались въ грановитой палатѣ. Къ столованію были приглашаемы: патріархъ, духовныя власти, бояре, окольничьи, дворяне, головы стрѣлецкіе, гости, сотскіе, старосты, выборные и посадскіе изъ городовъ. У царицы въ это время были столы въ золотой палатѣ, гдѣ присутствовали верховыя [67]) и пріѣзжія боярыни, жены окольничихъ и думныхъ людей, кормилицы, постельницы и другія.

Всѣ находившіеся за столомъ принимали изъ рукъ Государя водку.

По окончаніи стола Государя потѣшала музыка, находившаяся на особо устроенномъ мѣстѣ. Она состояла изъ органовъ, трубъ, суренъ, литавръ, накровъ (бубенъ) и набатовъ (барабановъ).

Бояре по возможности старались подражать царскимъ празднествамъ и обыкновеніямъ.

Праздновать дни рожденія и именинъ есть обычай, перешедшій къ намъ отъ предковъ, любившихъ попировать при удобномъ случаѣ. Дни эти праздновались съ особеннымъ веселіемъ и разгуломъ. Для сего пекли большой пирогъ, который разламывали надъ головою именинника, что означало желаніе жить ему въ изобиліи. Отсутствующимъ посылали пироги и калачи на домъ. Обыкновеніе это соблюдалось и между государями: въ 1671 году марта 17-го Царь Алексій Михаиловичъ самъ приходилъ съ такимъ пирогомъ къ Патріарху. Именинные калачи были длиною отъ

двухъ до трехъ аршинъ и толщиною въ четверть. За обѣдомъ Патріархъ, проговоривши заздравную рѣчь, пилъ за здоровье Государя; потомъ чаша переходила изъ рукъ въ руки къ митрополитамъ, боярамъ и прочимъ лицамъ, сидѣвшимъ за столомъ. Въ тюрьмы и богадѣльни, въ эти дни, посылали милостыню.

ПОХОРОНЫ И ПОМИНКИ.

Славяне язычники, по свидѣтельству Нестора, сожигали тѣла умершихъ и надъ прахомъ ихъ насыпали земляной курганъ; послѣ, надъ могилою совершали обрядъ поминовенія, состоящій въ принесеніи разныхъ жертвъ. Родственники и знакомые пировали надъ могилою; обрядъ этотъ назывался *Тризною*. Обряды при сожиганіи тѣлъ были различны: всякое племя совершало изстари усвоенное обыкновеніе.

По принятіи русскими христіанской вѣры, тѣла стали погребать, заимствуя это обыкновеніе отъ Грековъ. Покойника обмывали, надѣвали на него чистое бѣлье, въ ротъ клали *оболь*, т. е. мелкую монету для заплаты Харону за перевозъ черезъ рѣку Лету. Покойника клали на столъ непремѣнно ногами къ дверямъ. Родственники молились о душѣ усопшаго,

имѣя въ рукахъ зазженныя свѣчи. Плачь и разнородныя причитанія были необходимою принадлежностію; по свидѣтельству лѣтописи, князь Борисъ, услышавъ объ убіеніи брата своего Глѣба, излилъ горесть въ слѣдующихъ словахъ: «Господи! лучше бы мнѣ умереть съ братомъ, нежели жить одному на этомъ свѣтѣ. Если бы я, братъ мой, видѣлъ твое ангельское лице; то пострадалъ бы съ тобою. Но къ чему я остался одинъ? Гдѣ твои рѣчи, которыми услаждалъ меня? О братъ, мною любимый! нынѣ уже не услышу твоего кроткаго наставленія. Если можешъ молиться за меня у Бога, то молись, чтобы и я принялъ подобную тебѣ участь. Мнѣ было отрадно жить съ тобой, я теперь остаюсь одинъ въ этомъ мірѣ!» [68]).

Часто нанимали плакальщицъ голосить по покойнику. Петръ I запретилъ выть по покойникамъ въ 1715 году по случаю кончины супруги царя Іоанна Прасковьи Ѳеодоровны.

Хоронили обыкновенно въ день смерти и непремѣнно до захожденія солнца. Отвозили тѣла умершихъ на кладбище, на саняхъ зимою и лѣтомъ, а по свидѣтельству Маржерета и Флетчера мертвыхъ не хоронили зимою, а вывозили ихъ въ убогіе дома, гдѣ оставляли до весны. По прошествіи шести недѣль вдовѣ дозволялось выдти замужъ [69]). Соборованный масломъ носилъ черную одежду до самой смерти. Черная одежда, или *смирное платье*, какъ

называли его въ старину, извѣстна была у насъ уже въ XI вѣкѣ.

Надъ могильною насыпью ставили кресты, что вошло въ обыкновеніе съ принятіемъ христіанства. Во время глада и мора, въ 1092 году, въ Кіевѣ, отъ 14-го ноября до 1-го февраля умерло 7 тысячъ человѣкъ и такое же количество крестовъ покрыло кладбище.

Особъ царственнаго дома погребали съ большею пышностію. Вотъ описаніе погребенія царя Ѳеодора Алексѣевича: въ 1682 году, апрѣля 28-го, въ пятомъ часу дня вошелъ патріархъ Іоакимъ со всѣмъ духовенствомъ, хоругвями и крестами въ траурную комнату, въ которой лежало тѣло Государя подъ золотымъ балдахиномъ и отпѣвалъ. Потомъ спальники несли тѣло, подъ тѣмъ же балдахиномъ, а за ними другіе спальники надгробную доску, покрытую серебряной объярью. По принесеніи усопшаго на красное крыльце, его положили на приготовленныя сани, обитыя золотымъ атласомъ, и понесли краснымъ крыльцемъ, среднею лѣстницею, до Михайловскаго собора. Передъ тѣломъ шли со святыми иконами и крестами священники и дьяконы; за ними государевы и патріаршіе пѣвчіи, которые пѣли надгробное пѣніе; потомъ игумены, архимандриты, епископы, архіепископы, митрополиты и патріархъ. За тѣломъ шелъ Государь Петръ въ *смирномъ* платье, его мать Наталья Кириловна; за ними окольничьи, думные дворяне и ближніе люди; послѣ, царевичи и бояре; всѣ

въ черной одеждѣ. За ними дворяне несли царицу Марѳу Матвѣевну на саняхъ, обитыхъ чернымъ сукномъ. За царицею шли боярыни, кравчій, казначей; верховыя боярыни въ смирномъ платьи.

По совершеніи обряда погребенія обыкновенно раздавали милостыню неимущимъ.

Въ старину великихъ князей погребали въ Кіевѣ въ соборахъ: Св. Богородицы и св. Софіи; по перенесеніи же столицы во Владиміръ — въ монастырѣ Рождества Богородицы, а съ XIV вѣка — въ Москвѣ въ Архангельскомъ соборѣ, что продолжалось до Петра Великаго. Великія княгини, княжны, царицы и царевны погребались въ Москвѣ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Поминовеніе по усопшимъ исполнялось съ благоговѣйными обрядами. Близь Москвы было кладбище, называемое селомъ Скудельничьимъ, гдѣ хоронили странниковъ и безпріютныхъ бѣдняковъ. На семикъ сходились туда набожные москвичи и служили панихиды по всѣмъ здѣсь погребеннымъ.

Въ Россіи изстари полагали особенные въ году дни, когда отправлялись панихиды по умершимъ. Дни эти назывались: дмитровскою субботою, родительскою субботою и радуницею.

Святый Сергій постановилъ поминать всѣхъ воиновъ, падшихъ на полѣ брани, въ субботу между 18-го и 26-го числами октября, въ память битвы одержанной Дмитріемъ Донскимъ надъ ханомъ Мама-

емъ, на Куликовскомъ полѣ; 26-го октября Донской герой праздновалъ день своего ангела. Царь Іоаннъ Васильевичъ повелѣлъ пѣть панихиды по умершимъ въ субботу сыропустную; императрица Екатерина II указомъ 1769 года, августа 17-го постановила совершать поминовенія 29-го августа.

Радуницею назывался день празднованія въ честь умершихъ родителей, обрядъ этотъ совершался всегда въ понедѣльникъ, или во вторникъ на Ѳоминой недѣли. На могилы родителей приходили цѣлыя семьи и приносили пироги, кутью и разныя кушанья. Отслуживши литію все это съѣдали, и простившись съ покойниками, какъ будто съ живыми, отправлялись по домамъ.

Слово *радуница* произошло вѣроятно отъ родителей. День этотъ назывался иначе *навьимъ* днемъ, отъ древняго славянскаго слова *навье* — мертвецъ.

Родительскою субботою называется суббота передъ троицкой недѣлею.

ЖИТЬЕ - БЫТЬЕ.

КУШАНЬЯ И НАПИТКИ.

—

ЗАБАВЫ И УВЕСЕЛЕНІЯ.

КУШАНЬЯ И НАПИТКИ.

Лѣды наши на пищу были неприхотливы: она была грубая и мало чѣмъ отличалась отъ пищи нынѣшнихъ простолюдиновъ. Русскій язычникъ любилъ болѣе всего конское мясо. Несторъ говоритъ о Святославѣ [70]): «возъ по себѣ не вожаша; ни котла, ни мяса варя, но тонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на углѣхъ испекъ ядяше». Въ военное время простые воины брали съ собою сухари и овсяную муку, изъ которой дѣлали толокно.

Но за то, въ старину, предки наши ѣли много и были пристрастны къ крѣпкимъ напиткамъ: когда послы магометанскіе предлагали Владиміру принять ихъ вѣру, то великій князь отвѣчалъ имъ: «*Руси есть веселіе пить*». Изъ напитковъ самые употребительнѣйшіе были: пиво и медъ; бѣдные люди варили брагу.

Время отъ времени столъ дѣлался болѣе изыскан-

нымъ: мясо начали солить и коптить, кушанье приправлять лукомъ, чеснокомъ, солью и перцомъ. Изобиліе рѣкъ и озеръ пристрастило русскихъ къ рыбной ловлѣ и рыба сдѣлалась лакомымъ блюдомъ.

Обыкновенный столъ состоялъ изъ щей, приправленныхъ саломъ и ветчиною, изъ молока и ячменной кашицы. До конца XVII вѣка русскіе незнали другой огородной овощи, кромѣ простой капусты, луку, чесноку, огурцовъ, рѣдьки, бураковъ и дынь. Пряные коренья вошли въ употребленіе уже въ XVIII столѣтіи.

По свидѣтельству Герберштейна животныя, закалаемыя женщинами, считались нечистыми; это суевѣріе существуетъ еще и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ. Также предки наши не употребляли въ пищу телятины, голубей, зайцевъ и раковъ. Изъ мясныхъ блюдъ самыя употребительныя были: говядина, баранина, свинина и дворовая птица. Къ жаркому подавали соленые огурцы, сливы и кислое молоко.

Столъ у государей былъ болѣе прихотливъ. вотъ описаніе нѣкоторыхъ блюдъ, подаваемыхъ съ кормоваго двора во время бракосочетанія царя Алексія Михайловича съ Натальею Кириловною: папорокъ лебединъ подъ шафраннымъ взваромъ, рябъ окрашиванъ подъ лимоны, потрохъ гусиный, гусь жаркой, порося жаркое, куря въ кальѣ съ лимоны, куря въ лапшѣ, куря въ щахъ богатыхъ, перепеча крупичетая въ три лопатки недомѣрокъ, четь хлѣба ситнаго,

курникъ подсыпанъ яйцы, пирогъ съ бараниною, блюдо пироговъ кислыхъ съ сыромъ, блюдо жаворонковъ, блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо пироговъ съ яйцы, блюдо сырниковъ, блюдо карасей, пирогъ росольный, блюдо пироговъ подовыхъ, коровай яцкій, куличь недомѣрокъ, блюдо пироговъ жареныхъ [71]).

Посты строго соблюдались какъ при Дворѣ, такъ и въ народѣ. До насъ дошло извѣстіе о рыбномъ столѣ, которымъ угощалъ патріархъ государя Алексія Михайловича въ 1671 году. Кушанья состояли въ трехъ статьяхъ: 1) щука паровая, лещь паровой, стерлядь паровая, спина бѣлой рыбицы; 2) оладьи тельныя рыбныя, уха щучья, пирогъ съ рыбою, коровай просыпной съ рыбою; 3) щучья голова, полголовы осетрей свѣжихъ, тешку бѣлужью; питья подносили: ренское, романею и бастръ [72]).

Рыба, подаваемая къ столу Государя выбиралась самая большая; иностранцы, бывшіе въ Россіи, увѣряютъ, что бывали такія рыбы, которыхъ едва поднимали три человѣка. Повара дѣлали изъ рыбнаго мяса фигуры разныхъ птицъ, какъ-то: гусей, утокъ, куръ и проч.

Великимъ постомъ запрещалась рыба, кромѣ Благовѣщенія и Вербнаго воскресенья; вотъ что подавали патріарху въ среду на первой недѣли великаго поста: хлѣбца четь, папошникъ, взваръ сладкій со пшеномъ и съ ягоды, съ перцомъ да шафраномъ, хрѣнъ, грѣночки, капуста топаная холодная, горо-

шекъ зобанецъ холодный, киселекъ клюковный съ медомъ, кашка терта съ маковымъ сочкомъ; въ тотъ же день было прислано патріарху отъ государя: кубокъ романеи, кубокъ ренскаго, кубокъ мальвазіи, хлѣбецъ кругличатый, полоса арбузная, горшечекъ патоки съ инбиремъ, горшечекъ мазули съ инбиремъ, три шишки ядеръ [73]).

Изъ вопрошенія Кирика къ новгородскому епископу Нифонту, видимъ что послѣдній дозволилъ монахамъ въ праздники постомъ пить квасъ и мёдъ, а свѣтскимъ ѣсть икру и даже рыбу.

Обѣды въ старину были достопримѣчательны тѣмъ, что готовилось множество блюдъ; чѣмъ ихъ было болѣе, тѣмъ болѣе было почету хозяину; яства готовились за нѣсколько дней до званаго обѣда. Отказаться отъ какого-нибудь блюда никто не смѣлъ: въ противномъ случаѣ гость наносилъ обиду хозяину.

Парадные обѣды при Дворѣ состояли часто изъ 200 блюдъ и болѣе: Мьежъ говоритъ, что за обѣдомъ, даннымъ графу Карлилю, подано было по крайнѣй мѣрѣ до 500 блюдъ.

Обѣды при Дворѣ сопровождались особенными церемоніями: у стола прислуживали кравчій, чашникъ и чарошники; еще были должностныя лица, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы *встолы смотрѣть и встолы всказывать.* Они подавали кубки, наполненные виномъ особамъ, къ которымъ посылалъ ихъ Государь и говорили: «великій государь жа-

луетъ тебя Ѳеодоръ — ста [74]) чашею». Боярин, которому подавали таковой кубокъ, обыкновенно вставалъ, кланялся Государю, выпивалъ за Его здоровье и снова кланялся. Подносившій, взявъ порожній кубокъ, подходилъ къ Государю и говорилъ: «боярин Ѳеодоръ, выпивъ чару, Тебѣ Государю челомъ бьетъ». Сверхъ того за столомъ прислуживало множество жильцовъ. Таковые обѣды продолжались по нѣсколько часовъ: обѣдъ, данный Карлилю начался въ два часа и кончился въ 10 часовъ вечера; обѣды царя Ѳеодора Іоанновича нерѣдко продолжались до полуночи.

Каждое блюдо поваръ обязанъ былъ отвѣдать при стольникѣ, послѣ отвѣдывалъ кравчій въ глазахъ Царя. Флечеръ говоритъ, что всякій гость послѣ обѣда получалъ отъ Государя, идя домой, блюдо мяса или пирогъ. Иностранцы бывшіе въ Россіи: Бурхардъ, Ламбертъ, Герберштейнъ, Франциск де Колло, Маржеретъ, Корбъ и другіе съ удивленіемъ разсказываютъ о богатой посудѣ при Русскомъ Дворѣ подаваемой; салфетокъ за столомъ не употребляли: ихъ первоначально вывезъ Петръ I изъ Голландіи въ 1718 году; ножей и вилокъ клалось на столъ также не много: принцъ Бухау за столомъ Іоанна IV пользовался ими, заимствуя у сидѣвшаго подлѣ него боярина.

Въ XVI столѣтіи обѣдъ при Дворѣ и у вельможъ всегда начинался съ жаренаго павлина [75]), не подать ихъ — считалось нанести обиду гостямъ [76]), а въ постные дни прежде всего подавали икру. Кушанья

готовились на деревянномъ маслѣ съ приправою чесноку и луку. Послѣ холодныхъ блюдъ подавались похлебки, лапша и разныя теплыя кушанья. Кубки, изъ которыхъ пили за здоровье, были всегда серебряные и разнообразныхъ формъ; привожу здѣсь описаніе чарки и братины, хранящихся въ московской оружейной палатѣ: чарка XVI вѣка В. К. Василія Іоанновича, серебряная золоченая съ финифтью; по ободу подпись: «*чарка добра человѣка, пить изъ нее на здоровіе хваля Бога и моля про государево многолѣтное пво здравіе*». Въ срединѣ литой барсъ и финифтяная надпись: «*не злись, смирися человѣче, желаешъ славы земные, за то не наслѣдишъ небесныя*». По бокамъ вокругъ «*зри і смотри і люби і не проси і*». Братина чеканная цвѣтами, по бокамъ 4 золотыхъ клейма съ подписью: «*Братина Петра Алексѣевича Тредьякова* [77]). Внутри братины на прорѣзномъ золоченомъ кругу изображена человѣческая фигура, по краямъ подпись: «*человѣче, что на меня зриши? не проглотить ли мя хощеши? Азъ есмь бражникъ; возри человѣче во дно братины сей и откроеши тайну свою*». По вѣнцу подпись: «*Вѣси убо человѣче, яко воину оружіе потребно есть въ день брани, такожде и дождь во время ведра, питіежъ во время жажды. Сице же истинный другъ во время утѣшенія и скорби и вси убо прикасающіеся сладости сей съ любовію по разуму въ сытость веселіе со други и тѣлесемъ красоту и сердца и ума пространствіе почерпаютъ*

и радостію со други своими веселяшеся испіютъ, хотящимъ же убо къ сему приступити со враждою, не сытное ихъ убо достоитъ отъ сего дому всегда отгонятн заботно».

Братиной этой ударила челомъ въ 1618 году іюня 5-го думнаго дьяка Тредьякова жена съ дѣтьми.

Къ концу стола подавали закуски, состоящія изъ свѣжихъ и вареныхъ въ сахарѣ плодовъ, дыняхъ и арбузахъ. По случаю рожденія Петра I къ крестинному столу іюня 29-го, данному въ грановитой палатѣ было подано: коврижка сахарная большая гербъ государства московскаго; коврижка коричная сахарная; орелъ сахарный литой бѣлый, орелъ сахарный красный съ державами, вѣсу въ каждомъ изъ нихъ по полтора пуда; лебедь сахарный въ два пуда; утя сахарное въ 20 фунтовъ; попугай сахарный въ 20 фунтовъ; голубь сахарный въ 8 фунтовъ; городъ Кремль сахарный съ людьми коннымн и пѣшими; башня большая съ орломъ; городъ съ пушками; марципанъ сахарный большой, на пяти кругахъ; сорокъ блюдъ сахаровъ узорочныхъ съ изображеніями людей конныхъ и пѣшихъ; тридцать блюдъ леденцовъ на разныхъ овощахъ; десять блюдъ конфектовъ постныхъ; десять блюдъ сахаровъ зеренчатыхъ на разныхъ пряныхъ зельяхъ по фунту на блюдѣ. Ягоды, смоквы, сукатъ, цытроны, яблоки, шаптала, имбирь въ патокѣ и другихъ разныхъ овощей 10 блюдъ по фунту на блюдѣ.

Всего же наряжено и подано на столъ 120 блюдъ. Полоса арбузная, полоса дынная.

Кушанья въ грановитую палату носили стольники.

Обѣды у людей небогатыхъ начинались всегда студенью изъ говяжихъ ногъ [78]), далѣе слѣдовали горячія кушанья: похлебка съ огурцами, щи, лапша; жаркія блюда подавались по нѣскольку: гусь, индѣйка, поросенокъ и къ нимъ ставились на столъ огурцы, сливы, яблоки и другіе плоды и ягоды; пирожныя самыя употребительныя были: коровай и ряженый пирогъ. Послѣ каждаго блюда гостей обносили наливками; медъ и пиво ставились на столъ — пили ихъ, кто сколько хотѣлъ. Десертъ устанавливали на особенный столъ, въ другой комнатѣ, куда входили гости послѣ обѣда; на большихъ деревянныхъ тарелкахъ наложены были орѣхи, пряники, постилы, моченыя и свѣжія яблоки, дули, арбузы и дыни.

Когда приходило новое лице во время столованья, то привѣтствовало всегда хозяевъ словами: хлѣбъ — соль! на привѣтъ его хозяева отвѣчали: милости просимъ.

Искуство варенія медовъ, которые бывали разныхъ цвѣтовъ и вкусовъ, было доведено у насъ до совершенства, употребительнѣйшіе сорты медовъ были: вишневый, смородинный, мозжевеловый, красный, бѣлый, паточный, черемховый и гвоздичный; крѣпостью они не уступали нынѣшней водкѣ. Пиво, называемое въ старину *олуй*, приготовлялось также разныхъ цвѣ-

товъ. Пиво и медъ заготовлялись въ большомъ количествѣ и сберегались въ особенно устраеваемыхъ погребахъ, которые назывались *медушами*.

Въ XV столѣтіи, когда въ Россіи вошло въ употребленіе хлѣбное вино [79]), стали дѣлать наливки изъ разныхъ ягодъ и плодовъ.

Употребительнѣйшія вина при Дворѣ и у знатныхъ бояръ были: бургонское, называемое *романеею*, канарское или *бастръ* и *мальвазія*.

О виноградныхъ винахъ упоминается у насъ въ XV вѣкѣ: архіепископъ Феофилъ подарилъ В. К. Іоанну III три бочки вина бѣлаго и двѣ краснаго, но употребленіе его было вѣроятно гораздо прежде: оно должно быть современно началу нашихъ торговыхъ сношеній съ греками.

Сильныя попойки до того были употребительны въ старину, что считалось неприличнымъ отпустить гостей не упоивъ ихъ до пьяна; причиною тому быть можетъ было то, что предки наши незнали ни картъ, ни театровъ, ни собраній и прочихъ удовольствій разоряющихъ карманы, а попойки и угощенія замѣняли все это. Хозяинъ упрашивалъ гостя выпивать кубокъ сполна, до капли, убѣждая его въ томъ низкими поклонами.

Квасъ извѣстенъ былъ еще въ глубокой древности: обливаться квасомъ въ баняхъ было въ обыкновеніи [80]).

До XVIII столѣтія у насъ чай замѣняли збитнемъ, бузою и взварцемъ. Збитень варили изъ меду, съ

примѣсью разныхъ травъ, какъ-то: звѣробоя, шалфея съ прибавленіемъ имбирю или стручковаго перцу; буза вошла въ обыкновеніе со времени владычества татаръ надъ Россіею, ея дѣлали изъ проса и пили холодную. Взварецъ составляли изъ пива, меду и вина съ примѣсью пряныхъ кореньевъ. Чай извѣстенъ сталъ въ Россіи въ концѣ XVII столѣтія.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о посудѣ.

До царствованія Іоанна Васильевича посуда была большею частію деревянная, хотя о серебряныхъ ложкахъ упоминается у насъ еще въ концѣ X вѣка: Несторъ пишетъ, что гости у Владиміра однажды возроптали на него за то, что имъ поданы были деревянныя ложки; Владиміръ, услышавъ объ этомъ, велѣлъ подѣлать *серебряныя*, сказавъ: серебромъ и златомъ не добудешъ дружины, но съ нею добуду много серебра и золота. Деревянную посуду дѣлали съ позолоченными краями и работали ее по монастырямъ монахи; оловянная посуда составляла особенную роскошь; но каждый боярин непремѣнно долженъ былъ имѣть серебряный кубокъ, изъ котораго пили за здоровье. Майербергъ, бывшій въ Москвѣ въ царствованіе Алексія Михаиловича увѣряетъ, что въ бытность его въ Москвѣ посуда у бояръ нашихъ была оловянная.

Нѣсколько подробное описаніе столовой посуды можно видѣть изъ духовной грамоты, 1504 года, князя Іоанна Борисовича Волоцкаго, гдѣ между прочимъ

написано:... а что мои сосуды серебряные, тридцать блюдъ безъ одного, да пять мисъ, да уксусница, да перечница, да солонка большая, да двѣ малыхъ гладкихъ, да чарка серебряна, да одинадцать ложекъ, да семь ковшовъ, да семь чарокъ гладкикъ, да осьмая чарка съ полкою, да три кубка, да двѣ чарки большихъ, да четыре чарки малыхъ, да рогъ, да три стаканы, да ковшъ большой, да сковорода серебряна съ вѣнцомъ, да серебряникъ, да суды каменные и проч. [81]).

ЗАБАВЫ И УВЕСЕЛЕНІЯ.

Общественная жизнь предковъ нашихъ текла мирно, они разнообразили ее разными забавами въ свободное отъ дѣлъ время. Молодежъ не выходила изъ повиновенія у стариковъ и отдавала имъ должное уваженіе. Людей престарѣлыхъ называли *дѣдушками*, *бабушками;* среднихъ — *дядями*, *тетками;* на привѣтствіе отвѣчали словомъ: *спасиба*, т. е. спаси тебя Богъ за доброе твое желаніе.

Въ большіе годовые праздники, родные съѣзжались въ одинъ домъ и проводили время вмѣстѣ. Въ это время начинались разнообразныя игры, пѣли пѣсни, загадывали другъ другу загадки; старики разсказывали исторійки изъ временъ давноминувшихъ. На святкахъ пѣли особенныя пѣсни, извѣстныя и въ наше время подъ названіемъ «подблюдныхъ», гадали, хоронили золото и наряжались, хотя надѣваніе масокъ долго у насъ считалось смертнымъ грѣхомъ. Катанье съ горъ на са-

салазкахъ была любимая забава нашихъ бабушекъ — невѣстъ. Молодые люди въ это время къ нимъ не допускались: они въ свою очередь играли на улицѣ въ снѣжки, боролись и бились на кулачкахъ. На святой недѣлѣ ставились качели, называемыя въ старину *колысками*, послѣ того играли въ жмурки, бабки и катали яйца.

Самая древняя забава бояръ нашихъ, даже и Государей состояла въ звѣриной и птичьей охотѣ, къ которой предавались они съ увлеченіемъ. Звѣриная травля почиталась благороднымъ занятіемъ: молодежъ во время охоты пріучалась переносить холодъ, зной, жажду и голодъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи говоритъ: «любя охоту мы ловили звѣрей. Я вязалъ своими руками дикихъ коней, вдругъ по нѣсколько. Два разъ буйволъ металъ меня рогами, олень бодалъ, лось топтала ногами; вепрь сорвалъ мечь съ моего бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и сбилъ съ ногъ коня подо мной; нѣсколько разъ я падалъ съ лошади, два разъ разбилъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги...»

Царь Алексій Михайловичъ очень любилъ соколиную охоту, даже издалъ особыя правила для этой охоты подъ названіемъ: *книга, глаголемая урядникъ, или новое уложеніе и устроеніе сокольничаго пути.* Охота эта прекратилась въ концѣ XVII вѣка.

Верховая ѣзда у бояръ составляла не одно удовольствіе, но даже необходимость: сосѣдъ, желая навѣстить

сосѣда, непременно ѣхалъ, если не въ рыдванѣ, то верхомъ, не смотря на то, что разстояніе было въ нѣсколькихъ шагахъ. Ходить пѣшкомъ считалось за неприличіе и стыдъ. Въ концѣ XVI столѣтія верховая ѣзда была въ большомъ употребленіи даже между женскимъ поломъ и составляла любимую ихъ прогулку.

При Дворѣ и у вельможъ было обыкновеніе имѣть шутовъ, которые своими шутками, часто оскорбительными для тѣхъ, на кого онѣ были направлены, выказывали иногда горькую истину. Тогда было время, когда, быть можетъ, они были необходимы.

Музыку въ старину замѣняло пѣніе; кромѣ обыкновенныхъ пѣсенъ, пѣли церковныя. Это вошло въ обыкновеніе со времени введенія въ Россіи христіанской вѣры. Первый Митрополитъ Михаилъ, прибывшій въ Кіевъ изъ Константинополя, привезъ съ собою пѣвчихъ изъ славянъ, которые и ввели старинное церковное пѣніе, названное *демественнымъ* [82]). Подражая имъ пѣли и свѣтскіе люди.

Въ послѣдствіи времени извѣстны стали у насъ нѣкоторые инструменты, которые услаждали неприхотливый слухъ нашихъ дѣдовъ. Изъ числа древнѣйшихъ инструментовъ употребительнѣйшіе были: гудокъ, балалайка, волынка, гусли, свирѣль, дудка, рожокъ, а также на простонародныхъ свадьбахъ били въ тазы и сковороды.

При Дворѣ правильная музыка появилась во время перваго Лжедимитрія: на его пиршествахъ играла поль-

ская музыка. Арфа и скрипка употребительны были при торжественныхъ обѣдахъ царя Михаила Ѳеодоровича. На свадьбѣ Царя Алексія Михаиловича на дворѣ и въ передней комнатѣ играли въ трубы, суренки и били въ литавры.

Театральныя представленія сдѣлались извѣстными у насъ въ царствованіе Алексія Михайловича. Первоначально давались онѣ въ Преображенскомъ и Московскомъ кремлевскомъ потѣшномъ дворцѣ, который въ то время былъ домомъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго, тестя царя Алексія Михайловича; такія представленія давались не рѣдко и въ домѣ Артемона Сергѣевича Матвѣева, въ армянскомъ переулкѣ въ приходѣ Николая Чудотворца въ столпахъ. Боярин Матвѣевъ былъ въ то время и директоромъ надъ комедіантами. Содержаніе представляемыхъ комедій было брато изъ священной исторіи, онѣ были писаны стихами и прозою; дошедшія до насъ были слѣдующія: Іудиѳь и Олофернъ, Артаксеркъ и Аманъ, о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о трехъ отроцѣхъ въ пещи созженныхъ; комедія Навуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Амонъ, Неемонъ, Корей, Лапидовъ; четыре протазанщика, четыре спальника. Нѣкоторыя пьэсы сохранились въ рукописи въ Императорской публичной библіотекѣ, онѣ суть: 1, о чесномъ измѣнникѣ, въ ней первая персона Арцухъ Фридрихъ фонъ Поплей. 2, тюрьмовый заключенникъ, 3. Спицій африканскій, погубленіе королевы Софонисьбы.

Въ розрядныхъ запискахъ 1676 года сказано: «была комедія въ Преображенскомъ, тѣшили Великаго Государя иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла и на органахъ играли нѣмцы, да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Тогожъ году была другая комедія тамъ же, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли и на фіолахъ, и на инструменты и танцовали. Въ третіе тамъ же тѣшили Великаго Государя на заговѣнье нѣмцы и люди Артемона Сергѣевича на органахъ и фіолахъ, и на инструментахъ и танцовали, и всякими потѣхами разными».

Царевна Софія Алексѣевна была любительница театра и сама игрывала съ придворными дѣвицами. У великой княжны Натальи Алексѣевны и царицы Прасковьи Ѳеодоровны были устроены также домашніе театры. Во время малолѣтства Петра I играли студенты Заиконоспасскаго монастыря нѣкоторыя комедіи переведенныя съ французскаго языка на славянскій, какъ-то: Мольерову комедію — врачь противу воли; пословицу въ лицахъ: шемякинъ судъ и драмы Симеона Полоцкаго: о блудномъ сынѣ, о царѣ Навуходоносорѣ и проч. Послѣднія двѣ драмы первоначально были представлены въ новомъ потѣшномъ дворцѣ.

Такъ продолжалось до 1700 года; а въ этомъ году Петръ I повелѣлъ устроить въ Москвѣ публичныя театральныя зрѣлища. Въ 1702 году прибыла въ Россію руппа нѣмецкихъ актеровъ, состоящая изъ трехъ че-

ловѣкъ подъ управленіемъ Іоганна Куншта; ему дали 12 мальчиковъ изъ дѣтей подъячихъ и мѣщанъ для обученія театральному искуству. Дѣти эти разыгрывали театральныя пьэсы на Сухаревой башнѣ въ рапирномъ залѣ; Куншть умеръ въ концѣ 1703 года; а въ 1704 году явился новый антрепренеръ Артемій Фюрстъ. Изъ Гамбурга были выписаны музыканты въ числѣ семи человѣкъ. Между тѣмъ повелѣно было построить на красной площади *комедіальную храмину*.

Когда давались представленія въ этой храминѣ, то съ проѣзжающихъ всякаго чина людей позднѣе 9-ти часовъ, указная проѣзжая пошлина не бралась, чтобы смотрящіе театральныя зрѣлища ѣздили въ комедію охотно.

Время это можно полагать началомъ публичныхъ театральныхъ зрѣлищъ.

Издавна употребительнѣйшая игра была въ кости или зернь. Послѣ изданія стоглава съ зерновыя игры бралась пошлина. Игра въ карты извѣстна была въ царствованіе Іоанна Васильевича; но когда открыто было много злоупотребленій играющихъ въ эти игры, то царь Алексій Михайловичъ ихъ запретилъ. Въ Его уложеніи сказано: «а которые воры на Москвѣ и въ городѣхъ воруютъ, ходя по улицамъ людей рѣжутъ и грабятъ и шапки срываютъ: и о такихъ ворахъ на Москвѣ и въ городѣхъ и въ уѣздахъ учинити заказъ крѣпкой, и бирючамъ кликати по многіе дни, будетъ гдѣ такіе воры объявятся и ихъ всякихъ чиновъ лю-

дямъ имая, приводить въ приказъ.... да будетъ про воровство ихъ сыщется до пряма, что они зернью и карты играютъ.....»

Катанья и гулянья составляли также не послѣднее развлеченіе въ старину. Катанья устроивались на святкахъ и масляницѣ. Дѣвушки и молодыя женщины пѣли въ это время пѣсни; мужчины украшали лошадей лентами и бубенчиками, на дуги вѣшали колокольчики. Для гуляній, которыя бывали въ лѣтнее время, избирали мѣста тѣнистыя или кладбища. На подобныхъ сборищахъ пѣли пѣсни и водили хороводы, которые были ничто иное, какъ остатки глубокой древности и составляли вѣроятно какое нибудь обрядное дѣйствіе прежнихъ языческихъ богослуженій; но христіанство, отнявши у хороводовъ религіозное значеніе прежнихъ временъ, обратило ихъ въ народныя игры.

Хороводы наши разнообразны, они слились съ русскою жизнею. Дошедши до насъ изъ глубокой древности, само собою разумѣется въ искаженномъ видѣ, они составляютъ живую забаву нашихъ простолюдиновъ. Хороводы обыкновенно начинались у насъ съ красной горки и продолжались до глубокой осени.

Дѣвушки и парни въ праздники надѣвали лучшіе наряды. На Троицынъ день дѣлали складчину: всякій участвовавшій въ весельи, обязанъ былъ принести съ собою разную провизію, какъ-то: яйца, масло, творогъ, каровай и т. п. Готовили яичницу и ѣли всѣ

вмѣстѣ, потомъ завивали вѣнки, кумились и уже поздно вечеромъ, въ вѣнкахъ, возвращались домой.

На подобныхъ сходбищахъ употребительнѣйшія игры были: горѣлки, жмурки, кулючки, коршунъ и рѣдька. Мѣста для гуляній въ городахъ избирали болѣе открытыя, часто загородныя: всѣ хотѣли подышать чистымъ воздухомъ.

Въ Москвѣ въ XVIII столѣтіи уже устраивались на публичныхъ гуляньяхъ лубочные балаганы, въ которыхъ давались разныя представленія — фарсы; дѣйствующими лицами здѣсь были по большей части фабричные и разные мастеровые люди. Строились также кукольныя комедіи и райки. Дешевая за все плата привлекала толпы народа, котораго вкусъ въ тогдашнее время былъ менѣе чѣмъ прихотливъ. Всѣ были довольны и веселились вволю.

Въ Москву пріѣзжали также разные эквилибристы и позитурные мастера, которые *показывали свои кунштыі*. Артисты эти извѣщали публику особенными афишами; вотъ одна изъ нихъ: «чрезъ сіе объявляется, что находящійся здѣсь англинской *шпрингеръ и позитурный мастеръ*, свой театръ будетъ растворять о святой недѣлѣ, на третій и на четвертый день праздника, то есть, 21 и 22 числъ Апрѣля мѣсяца и будетъ показывать свои экзерциціи, а потомъ комедіи станетъ представлять по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ неотмѣнно. А ежели кто пожелаетъ въ будни его экзерциціи въ довольной компаніи ви-

дѣть, то надлѣжитъ его о томъ увѣдомить на дому, ввечеру или по утру за день напередъ» [83]).

Въ извѣстные дни народъ собирался въ одно мѣсто для того чтобы повеселиться; дни эти были: красная горка, радуница, или день, въ который поминали усопшихъ родителей, запашка, или день, въ который начинались полевыя работы, семикъ, канунъ Ивана Купалы (23 Іюня) и 24 Іюня, Петровъ день, зажинки, когда начиналась жатва; день этотъ назывался розно во многихъ мѣстахъ Россіи, какъ-то: дожинки, обжинки, пожинки, опожинки и проч., бабье лѣто (съ 1-го по 8-е Сентября); всѣ эти дни сопровождались нѣкоторыми особенными обрядными пѣснями и играми, разнообразными по мѣстности. Во многихъ изъ этихъ обычныхъ увеселеній явно обозначаются остатки древнихъ языческихъ обрядныхъ дѣйствій. Онѣ были преслѣдуемы нашею церковью; въ стоглавѣ суевѣрныя игры названы *бѣсовскими потѣхами*, тамъ прямо сказано: «о Иванѣ днѣ и въ навечеріи Р. Х. и крещенія сходятся мужи, жены и дѣвицы на ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе и бываетъ отрокомъ осквернѣніе и дѣвамъ растлѣніе..... и егда ночь мимо ходитъ, отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ и умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя и падаютъ аки мертвы, отъ великаго клокотанія.»

Не послѣдняя еще была забава нашихъ молодцовъ удальцовъ — кулачные бои, не смотря на то, что они

строго были запрещены. Давность кулачныхъ боевъ восходитъ до глубокой древности; время этой забавы всегда бывало зимою, рѣдко лѣтомъ. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ запрещено было народу ходить на старое Ваганьково [84]) на кулачные бои; а въ другомъ указѣ сказано: «которые всякіе люди учнутъ биться кулачки въ Китаѣ и въ Бѣломъ каменномъ городѣ, и въ Земляномъ городѣ и тѣхъ людей имать и приводить въ Земскій приказъ, и чинить наказанье [85])».

Лучшіе бойцы считались Казанскіе, Тульскіе и Калужскіе. До насъ дошли имена знаменитыхъ бойцовъ: Алеши родимаго, Тереши Кункина, Никиты Долговяза, братьевъ Походкиныхъ и Зубовыхъ. Порядки кулачныхъ боевъ были: одинъ на одинъ, стѣна на стѣну и сцѣплянка — свалка.

Престольные праздники, святки и масляница сопровождались также у насъ шумными увеселеніями. Привожу здѣсь для примѣра, какъ въ былое время проводили престольный праздникъ на Руси.

МИХАЙЛОВЪ ДЕНЬ.

Осень, слякоть. Дождь ливмя льетъ цѣлый день. Михайловъ день на дворѣ. Ненастная погода никогда не можетъ послужить помѣхою русскому мужичку повеселиться: чтожъ — работы полевыя кончены, хлѣбъ въ гумнѣ, конопля продана, денежки лишнія есть, отъ чего же и непогулять?

Мужички въ будничныхъ зипунахъ и охобняхъ верхами и въ возилахъ [86]) съ разнородной посудой ждутъ подлѣ кружала [87]) череду взять вина на сколько у кого хватить силы. Это бывало всегда дни за два или за день до праздника, между тѣмъ какъ женсчины не отходятъ отъ топящейся печки — стряпаютъ, потрошатъ разную птицу, моютъ посуду, полавошники [88]) и рушники [89]); старики палятъ свиней. Дѣятельность во всякомъ дворѣ необыкновенная.

Гости пріѣзжали всегда на самый праздникъ къ вечеру и были, по большей части всегда родные: невѣстка пріѣзжала къ свекрови, зять къ тестю, братъ къ сестрѣ и проч.

— Что это нашъ Иванушка замѣшкался? сказалъ зажиточный мужикъ Прохоръ, служившій выборнымъ головою [90]) женѣ своей, — посмотри-тка Меланья на дорогу, не видать ли?

— Свѣту Божьяго отъ дождя не видно, небось, пріѣдутъ, таки зятьку-то не навѣстить своихъ! да гдѣ жъ это видано! отвѣчала жена, покачивая головою.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія на улицѣ послышался скрипъ колесъ и подлѣ избы Прохора остановилась Каптана [91], запряженная парою разношерстыхъ лошадей. Хозяева вышли встрѣтить гостей въ сѣни.

Пока Меланья вводила въ свѣтлицу [92]) своего зятя, дюжаго молодца въ зипунѣ, изъ подъ котораго вид-

нѣлся новый полушубокъ и дочь въ растегаѣ [93]) и праздничной кикѣ [94]), покрытой вышитымъ убрусомъ [95]). Прохоръ пошелъ отпрягать лошадей и ставить ихъ къ корму.

— Сядь дитятко близь печки да погрѣйся, вишъ дождь то тебя измочилъ Марьюшка, говорила Меланья, обращаясь къ дочери; — ну скажи-ка зятекъ каковъ у васъ урожай нонѣча, вѣдь мы съ вами съ самыхъ филиповокъ не видались?

— Урожай матушка слава Богу; сѣна только Господь не далъ убрать: времечко стояло все непогожее.

— На то Его Святая воля, роптать не должно: грѣхъ.

Часа черезъ два свѣтлица выборнаго головы наполнилась гостями, пріѣхавшими изъ разныхъ деревень; гости были все родные: своякъ съ женою, шуринъ съ сестрою, два брата, да два кума, большая часть изъ нихъ были съ дѣтьми. Старички балакали о временахъ минувшихъ, женсчины сообщали другъ другу новости, а молодежъ молча и изрѣдка поглядывала другъ на друга и то изъ-подъ-лобья.

— Вотъ хоть бы сосѣдъ нашъ Андрей, сказалъ хозяинъ, сдѣлавши жестъ рукою, небось что не ошибся: подцѣпилъ за сынка дочку Сергѣя ктитора, завтра и веселью быть у нихъ.

— Да ужъ за одно харчится то и праздникъ и свадьба.

— А сколько слышно въ поѣзду повозокъ будетъ?

— Не хочу солгать, а смѣкаю что не мало: вишъ, говорятъ, вина одного взяли восемъ мѣрниковъ [97]), браги и олуя [98]) наготовили вдоволь; полна скарбница [99]) всякаго добра.

— А прикрута [100]) велика?

— Важнѣйшая что и говорить.

И Прохоръ принимался исчислять приданое сосѣдки — невѣсты.

— Дай то Господь миръ и согласіе, душа добрая, вотъ истинно по христіански молвить.

— А женихъ то каковъ?

— Человѣкъ тверезый [101]), подать за нимъ не стоитъ и ничто иное, другое такое. . . . .

— Смѣкаю кумъ.

Вечеръ далеко тянулся за полночь, хлѣбосольный хозяинъ безпрестанно наполнялъ пивомъ и виномъ братины [102]), а Меланья между прочимъ готовила ужинъ и постели въ повалушѣ [103]) и избѣ.

Ни свѣтъ ни заря проснулась на другой день хозяйка съ двумя невѣстками и принялась хлопотать около печки. Гости, послѣ вечерней попойки, ходили какъ шальные, а опохмѣлиться никто не смѣлъ: еще обѣдня не кончилась.

Къ полудню столъ въ свѣтлицѣ Прохора уже накрытъ, бѣлые рушники лежатъ по окраинамъ его. На столѣ разставлены были въ порядкѣ разныя закуски,

водка, пиво, брага и медъ. Гости усаживались по старшинству, почетнѣйшіе занимали мѣста близъ св. иконъ. Начался обѣдъ.

Чего чего не подавали: и студени изъ говяжьихъ ногъ, потомъ слѣдовала лапша съ курицею, разныя похлебки, свинина, жареныя гуси, куры, утки, индѣйки и поросята; въ заключеніе подали коровай. Между всякимъ блюдомъ обходила круговая чара и гость обязанъ былъ випить ее до дна, предварительно отвѣсивши поклоны хозяину и хозяйкѣ, пожелавъ имъ добраго здоровья.

Изъ стола встали всѣ сытые и пьяные: чѣмъ пьянѣе были тогда гости, тѣмъ болѣе было почета хозяину.

Вотъ въ свѣтлицу вошелъ бравый дѣтина, помолился святымъ иконамъ, поклонился хозяевамъ и сказалъ.

— Тебѣ Прохоръ Сергѣевичъ и тебѣ матушка Меланья Трофимовна наказалъ Сергѣй Григорьсвичъ челомъ ударить и просить къ нимъ жаловать ѣхать въ поѣзду: дочку снаряжаютъ къ вѣнцу.

Хозяева отвѣчали:

— Благодари сватушка Сергѣя Григорьевича за честь и кланяйся ему отъ насъ и скажи что въ поѣзду намъ быть не мочно [104]) по той причинѣ что у самихъ насъ гости, вѣдь нашъ праздникъ единожды въ году бываетъ, вотъ что.

— Если не могите теперь, продолжалъ сватъ, то просимъ покорнѣйше не побрезговать и жаловать вве-

черу, когда начнется столъ [105]) и съ гостями вашими.

— Это иное дѣло, могимъ; ну-тка сватушка откушай нашей варенушки [106]) ради праздника.

И наливши въ стопу варенухи, хозяева подносили ее свату. Такимъ образомъ угощали всякаго приходившаго въ гости. Таковъ уже былъ обычай.

Къ вечеру мало по малу начинала собираться улица [107]). Дѣвушки со всего села и холостые парни сходились на просторномъ и болѣе удобномъ для хороводовъ мѣстѣ. Хороводницы зачинали *играть пѣсни*, голоса сливались и гулъ раздавался по всей деревнѣ. Между тѣмъ въ домахъ шла попойка не на шутку.

На третій день праздника просыпались уже гости не такъ рано: одурманенные двухъ дневною попойкою спали долго; вставши уговаривались въ чью избу идти прежде, въ чью послѣ — поздравлять съ праздникомъ. Запрягали повозки и ѣздили цѣлый день изъ двора во дворъ. Такъ проходилъ третій день праздника.

На четвертый день гости начинали уже думать объ отъѣздѣ, хозяева упрашивали ихъ еще погостить, пріѣзжіе отнѣкивались, благодарили за угощеніе, оставались и снова собирались ѣхать. Чванныхъ называли *любящими скуку;* передъ отъѣздомъ готовили мовню [108]) и пекли блины, безъ которыхъ никогда не провожали въ дорогу.

— Ну Прохоръ Сергѣевичъ, говорилъ прощаясь кумъ, — благодаримъ за угощеніе, просимъ и насъ не

забывать — жаловать и моего хлѣба-соли откушать: вѣдь и нашъ праздникъ Егорій не за горами.

— Благодарствуемъ кумъ что вспомнилъ насъ, просимъ и на предки жаловать; будемъ къ вамъ безпременно. На проводахъ пили *посошокъ* [109]).

Къ вечеру въ избѣ и свѣтлицѣ оставались одни хозяева, которые тужили что скоро прошелъ праздникъ и что не успѣли насмотрѣться какъ слѣдуетъ на своихъ дорогихъ гостей.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Радзивил. 17.
2) Полное собр. русск. Лѣтоп. III. 225.
3) При объявленіи царевича Ѳедора Алексѣевича наслѣдникомъ престола прибавлено было стольникамъ деньгами 12 р. да земли по 100 четвертей.
4) См: Русская правда; Уложеніе Царя Алексія Михаиловича XX. 21.
5) Уложеніе гл. 20, статья 6.
6) Судебникъ гл. 88.
7) 56 коп.
8) Въ судебникѣ сказано подробно: «А который крестьянинъ живетъ за кѣмъ годъ, да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два годы поживетъ, и онъ платитъ полдвора; а три годы поживетъ, и онъ платитъ три четверти двора»..... Далѣе: «А пожилое имати съ воротъ, а за повозъ имати съ двора по два алтына; а о причь того на немъ пошлинъ нѣтъ».
9) Нѣтоторые ученые производятъ названіе *огнищанъ* отъ *огнища* въ смыслѣ дома, или хаты, съ которой платили они подать.
10) До призванія Рурика, Новгородъ раздѣлялся ни пять пятинъ или концовъ, каждая пятина управлялась старостой

11) Гаданья первоначально входили въ составъ языческаго богослуженія; см. Титмара VI, 17; Саксо граммат. 827, 828.
12) Татищевъ, Болтинъ и другіе.
13) Статей этихъ первоначально было около 17-ти.
14) Глав. 11 ст. 11.
15) Отъ сюда пословица: свидѣтелю первый кнутъ.
16) Кандалы.
17) Лишеніе жизни.
18) См. судебникъ.
19) Глав. XIV.
20) Древн. росс. вивліоѳика.
21) Каменныхъ построекъ въ старину въ Москвѣ было очень мало: всѣ, которыя были то принадлежали казнѣ или знаменитымъ людямъ. Улицы мостились только главныя *проѣзжія*. Мощеніе улицъ тоже зависѣло отъ каменнаго приказа.
22) Отъ шведскаго Gred т. е. мечь.
23) Акты историч. № № 98, 254, 323. орудія.
24) Особенный родъ стѣнобитнаго орудія.
25) Акты историч. III. № 18, 243.
26) Это копія съ артикулу Мирона Бальшева; см. сборникъ Калачева.
27) Акты археолог. экспед. № № 4, 5.
28) Венерическая болезнь появилась у насъ въ 1499 году; а цынготная въ первые упоминается въ лѣтописи 1552 года. Больныхъ цынготною болезнею называли *оцынжалыми*.
29) Горячка.
30) Лихорадка.
31) Слабительное. Употребительнѣйшее слабительное было ревель, который въ царствованіе Петра I продавался отъ казны.

32) Кровопускательная жила.

33) Кромѣ Фидлера при Дворѣ Бориса Годунова были медики: Христофоръ Ратлингеръ, докторъ Ваемеръ Гейнрихъ Шрейдеръ, Іоганнъ Гилке и докторъ Валлисъ.

34) Эти четыре заговора взяты мною изъ Сахарова сказанія русскаго народа Т. 1. Кн. 2.

35) Два послѣднія средства помѣщаю изъ моего рукописнаго сборника.

36) Дубовикъ, Липовица, Березовецъ, Верхососенье и друг. При многихъ изъ нихъ въ настоящее время не осталось и слѣда тѣхъ деревьевъ, отъ которыхъ онѣ получили свои названія.

37) Полное собр. русск. лѣтоп. т. V. 24.

38) Древн. русск. вивліоѳик. 1, 14, 17.

39) Отъ чего вѣроятно получила свое названіе наша полушка

40) Слово *кладъ* произошло отъ *кладенный*, положенный для сохраненія, отъ сюда укладка, наконецъ — кладбище.

41) Принадлежала въ 1816 году коллежскому ассесору Бунгѣ.

42) Вѣстникъ Европы 1816 г. №№ 12 и 15.

43) Находится въ Минцъ-кабинетѣ импер. акад. наукъ.

44) Тамъ же.

45) Тамъ же.

46) Князь Щербатовъ.

47) Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Т. I. Спб. 1851 г.

48) Царь Алексій Михаиловичъ изображаемъ былъ на рубляхъ во весь ростъ.

49) Межевая пнструкція 1766 года гл. 5.

50) Берковецъ.

51) См. россійск. истор. Князя Щербатова.

52) Таможенный уставъ 1571 года.

53) Изъ актовъ историческихъ видимъ мы что только мона-

стырскіе слуги освобождались отъ платежа вѣсчей пошлины при покупкѣ и взвѣшиваніи чего либо на казенныхъ вѣсахъ.

54) Каменный московскій дворецъ былъ заложенъ въ концѣ XV вѣка В. К. Іоанномъ III.

55) Описаніе города Шуи стр. 309.

56) Акты юридич. № 99.

57) Временникъ московскаго историч общества кн. 14.

58) Охобень въ числѣ царскихъ одеждъ не былъ. См. Вельтмана описаніе московской оружейной палаты.

59) Темнокраснаго цвѣта, cramoisie, отъ санскр. *кримиджа*, араб: *кримизи*.

60) Отъ свада — сводить.

61) Перепечь приготовлялась изъ здобнаго тѣста и имѣла форму конуса

62) Въ первый разъ появились они па свадьбѣ Короля Арцымагнуса.

63) На свадьбахъ частныхъ людей ставили по нѣскольку кадей, со пшеницею, рожью, ячменемъ и проч.

64) А при нѣкоторыхъ свадьбахъ и съ калачемъ.

65) Дворц. розр. Т. III. стр. 989.

66) Дворц. розр. Т. II. стр. 233

67) Т. е. придворныя.

68) Пушкинск. Лѣтоп. стр. 17.

69) Герберштейнъ.

70) Софійск. временникъ часть I.

71) Древн. россійск. вивліоѳик. XIII. стр. 210.

72) Древн. росс. вивліоѳ. VI. стр. 301.

73) Древн. росс. вивліоѳ. VI. стр 320 321.

74) Частица *ста* прилагалась всегда къ имени боярина 1-й степени и окольничему; боярину же 2-й степени прибавляли частицу *су*; меньшихъ же бояръ называли просто, безъ частицъ.

75) Гербештейнъ, Петрей и другіе.

76) Петрей.

77) Думный дьякъ, скрѣплявшій грамоту избранія Царя Михаила Ѳеодоровича на царство.

78) Майербергъ.

79) Искуство винокуренія введено было Генуэзцами первоначально въ украйнѣ въ 1398 году.

80) Русс. Лѣтоп. по воскр. списк: и *обмоются квасомъ кислымъ*.

81) Древн. росс. вивліоѳ. II. 297.

82) Росс. истор. Татищева.

83) Афиша эта была напечатана въ 1758 году Англичаниномъ балансеромъ и комедіантомъ Штуардомъ.

84) Ваганьково было кладбище; а ваганиться значило шутить, играть.

85) Акты историч.

86) Возило — старинное названіе телѣги.

87) Кружало — кабакъ.

88) Покрышки на лавкахъ.

89) Полотенцы.

90) Управитель надъ волостью.

91) Родъ крытой повозки.

92) Свѣтлая горница съ красными косящатыми окнами.

93) Сарафанъ.

94) Головной уборъ.

95) Полотенце.

96) Веселье — тоже что свадьба.

97) Мѣрникъ — вѣдро.

98) Старинное названіе пива.

99) Кладовая.

100) Приданое.

101) Трезвый, не пьющій вина.

102) Сосуды для питья.

103) Отдѣльный покой, гдѣ спали въ повалку; иначе назывался *повалыша*.

104) Не можно, нельзя.

105) Обѣдъ, который бываетъ всегда послѣ вѣнца, какъ бы поздно не было вѣнчаніе.

106) Напитокъ, сваренный изъ ягоднаго соку съ пряными кореньями и хлѣбнымъ виномъ.

107) Мѣсто куда сходится молодежъ со всей деревни для игръ.

108) Мовня — баня.

109) Посошкомъ называлась послѣдняя прощальная чара.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

РУССКИХЪ БЫЛИНЪ:

	Стр.
I. Сословія, чины и должности	5
II. Судъ и расправа	29
III. Ратное дѣло	51
IV. Народная медицина	67
V. Монета	77
VI. Мѣра	85
VII. Вѣсъ	89
VIII. Домостроительство	93
IX. Экипажи	101
X. Одежда и обувь	105
XI. Обряды	119
a) Свадьбы	121
b) Родины и крестины	131
c) Похороны и поминки	138
XII. Житьё — бытьё	143
a) Кушанья и напитки	145
b) Забавы и увеселенія	156
Примѣчанія	173

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JAN 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 184 162 9